

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

по теме

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МУСУЛЬМАНАМИ НЕИСЛАМСКИХ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Выполнила: Лой И.В.; Научный руководитель: профессор, доктор философии, кандидат богословия Данилов А.В.;

Рецензент: доцент кафедры истории Беларуси БГПУ им. М. Танка, кандидат исторических наук Канапацкий И.Б.;
Минск 2005.

Автор сердечно благодарит

Муфтият мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь

Заместителя председателя

мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь,

председателя городской мусульманской общины г. Минска

Канапацкого Ибрагима Борисовича

Ответственного по делам учащихся из стран арабского Востока,

ординатора, студента 6-го курса

Хасана Мутайрека

Институт социологии Академии Наук Республики Беларусь

и его директора Абушенко Владимира Леонидовича

сотрудника института, консультанта

Кацука Николая Леонидовича

Центр социологических и политологических исследований БГУ

и его директора Родмана Давида Генриховича

Проректора по учебной работе, международной и внешнеэкономической деятельности Белорусского Национального Технического Университета

Бровку Геннадия Михайловича

сотрудников и воспитателей 13-го общежития БНТУ

начальника 13-го общежития БНТУ

Саидгареева Бориса Рауфовича

Декана медицинского факультета иностранных учащихся

Доценко Эдуарда Анатольевича

заместителя декана Санникову Аллу Владимировну

заведующую кафедрой бел. и русск. языка Аксенову Галину Николаевну

за помощь в проведении исследования

ВВЕДЕНИЕ

"Для многих людей на Западе,- пишет популярный английский журнал «Экономист»,- Ислам представляется все таким же феноменом: нелиберальный, чуждый, опасный и сбивающий с толку" /34. – С. 16/. Действительно, от ксенофобии, антагонизма, предрассудков и агрессии не свободен ни Запад, ни постсоветское пространство, ни Беларусь. "Ислам имеет в своей истории и учениях элементы, которые потенциально токсичны" /41. – С. 66/. "Что-то сокрыто в самом исламе, в большей степени, чем в других религиях, что приводит к истребительской и тоталитаристской политике" /40. – С. 14/. С другой стороны почти аналогичную позицию мы видим и в исламском обществе, чему доказательством служат различные экстремистские течения и организации, которые видят Западную культуру как "империалистическую кислоту, разъедающую мусульманскую добродетельность и ценности" /41. – С. 66/. Потребовалось бы слишком много времени и усилий для того, чтобы охарактеризовать и проанализировать всю литературу, в которой содержатся взаимные обвинения обеих сторон: христианской и мусульманской. Но мы будем говорить преимущественно о диалоге христианства и ислама, потому что во всем многообразии религий мира

основной и наиболее горячий диалог может происходить и происходит уже сегодня именно между этими двумя мировыми религиями.

Важно отметить, что это исследование проводится с позиции христианской, через призму восприятия православного человека, и для автора исследования Иисус Христос – Господь, Сын Божий, Второе Лицо Пресвятой Троицы. В дальнейшем во избежание понятийных, терминологических и догматических несоответствий автор не будет вновь обозначать свою позицию.

При любых условиях необходимо помнить, что диалог - это не взаимный обмен упреками и обвинениями, а конструктивное сотрудничество ради поиска лучших путей совместного существования. Для этого необходимо изучение друг друга, изучение не только внешних, но и внутренних основ иной религии и культуры. И поскольку для достижения любой благой цели подготовку следует начинать с самих себя, то, следовательно, от нас, представителей Русской Православной Церкви, может и должна исходить инициатива к серьезному и непредвзятому изучению ислама. По словам Бернарда Луиса, есть "два вопроса, встающие перед представителями западной цивилизации при взгляде на неевропейские культуры: "Зачем нам это?" и "Вправе ли мы?", – особенно важны для того, кто посвятил или собирается посвятить свою жизнь их исследованию" /25. – С. 197/.

Ответить на эти вопросы каждый должен сам для себя, опираясь на постулаты своей религии и основы своего мировоззрения. Кроме того, "... есть несколько причин, одна из них сугубо практическая: необходимость понимать друг друга ради достижения политических, торговых, дипломатических или просто чисто человеческих целей... помимо практических и методологических соображений, есть еще культурная, нравственная и интеллектуальная ценность других культур как таковых... Следует упомянуть и более деликатную проблему, которую, тем не менее, нельзя оставить без внимания. Сделать для незападных народов то, что сами для себя они по разным причинам сделать не могут, – в каком-то смысле долг ученого" /25. – С. 205-206/.

В любом случае, по каким бы внутренним, скрытым причинам мы бы не изучали иные религии и культуры, следует делать это максимально адекватно и доброжелательно по отношению к ним. Важно также помнить и то, что ислам многолик, что "единого, одного исламского пути все же не существует, а в центре общественного внимания и дискуссии оказываются многие и разные модели" /16. – С. 67/. Одной из таких моделей является модель мусульманских меньшинств в различных странах Азии, Америки и Европы. Как говорит Ахмад С. Муссалли, проблема религиозных меньшинств стала особенно взрывоопасной с образованием независимых государств особенно во второй половине XX века. /33. – С. 121/. Важно отметить, что для Беларуси проблема мусульманских меньшинств не является столь насущной и злободневной, как для других европейских стран, потому что на территории Беларуси татарская мусульманская община проживает более шестисот лет и глубоко инкультурировалась в

белорусское общество. Поэтому диалог с исламом в Беларуси следует начинать именно с нее и с иностранных подданных, состоящих в ней.

ГЛАВА I. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование по теме восприятия мусульманами других неисламских вероисповеданий проводилось в период с ноября 2004 года по апрель 2005 года. В мусульманских общинах Минска, Ивья, Новогрудка, а также среди студентов – приезжих из арабских стран, в Белорусском Национальном Техническом Университете, Минском Государственном Медицинском Университете.

Преобладающим методом исследования был выбран количественный метод – анкетирование, так как именно данный метод позволяет общение с наибольшим количеством верующих из совершенно разных слоев общества, организаций и общин. Количественные методы исследования не предполагают глубокого общения с адептами, однако, это не должно превращать исследование количественными методами в погоню за цифрами. Это стало одной из причин, вследствие которых число опрошенных не достигло необходимых пределов репрезентативности. В ходе описываемого исследования автор имел возможность живого общения с мусульманами Беларуси, Ливана, Ирана и других стран Ближнего Востока, где были и забавные инциденты, и жесткая полемика. Для проведения исследования была составлена краткая анкета, включающая 20 вопросов, затрагивающих различные сферы внутррелигиозной жизни верующих и межрелигиозного диалога, а также дополнительные вопросы, касающиеся личных данных участника опроса.

Анкетирование проводилось анонимно, так как в ходе предыдущих исследований (2003-2004 год) было установлено, что необходимость оставлять подпись настораживала опрошиваемых, что затрудняло ход исследования. В целом, можно отметить, что верующие, в особенности из числа местных мусульман испытывали настороженность и недоверие к проводившемуся анкетированию, что в целом можно объяснить политическим положением в стране до 80-х годов XX-го века, когда на верующих оказывалось давление со стороны советских властей, а если какие-либо исследования религиозной направленности и проводились, то с целью принятия запретительных мер. На это указывает и тот факт, что больше недоверия проявляли верующие старше 35 лет.

Доказательством справедливости данного предположения может послужить один из знаковых эпизодов исследования: в ходе анкетирования в Минской общине один из верующих обвинял автора исследования в принадлежности к Комитету государственной безопасности, что отрицательно повлияло на проведение дальнейшего анкетирования:

участник опроса не только отказался отвечать на вопросы, но и убедил некоторых участников забрать свои анкеты. Но, хотя упомянутый участник опроса и явился выразителем одного из основных страхов опрашиваемых, однако, это не может являться характеристикой отношения к исследованию остальных верующих.

Хотелось бы отметить, что во время анкетирования, проводимого в Мусульманской татарской общине г. Минска, верующие принимали автора исследования тем охотнее, чем более длительное время они проводили вместе. С данной точки зрения весьма полезно участие автора в традиционной вечерней пятничной трапезе разговения общины во время месяца Рамадан (ифтар). Весьма интересно и радостно было наблюдать традиции религиозной жизни татарской общины, сохраненные в постсоветское время. Хотелось бы также выразить огромную благодарность руководству Мусульманского Объединения Татар Беларуси, и в частности Ибрагиму Борисовичу Канапацкому, заместителю председателя Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь, организовавшему анкетирование в татарских общинах не только Минска, но и Ивья, и Новогрудка – центров, с наибольшей численностью мусульманского населения в Республике.

Также интересно проводить опрос среди студентов-мусульман: иностранные учащиеся БНТУ и МГМУ достаточно легко шли на контакт относясь к исследованию с гораздо меньшей долей серьезности, чем коренные верующие татарских мусульманских общин. Однако, при опросе среди приезжих мусульман основное затруднение вызывал зачастую возникавший языковой барьер, особенно ясно это выразилось при анкетировании на подготовительном факультете медицинского университета, так как из розданных анкет возвратилось менее 10%, что естественно объясняется недостаточным знанием среди приезжих русского языка. Особенное затруднение вызвали вопросы №№ 12, 13, 15 и 17. К счастью, в большинстве случаев это затруднение удавалось преодолеть. Иногда приходилось с ходу переводить на английский или французский языки, при необходимости добавляя термины на арабском, а иногда участники опроса сами переводили друг другу, так как около 10% опрашиваемых не владели ни русским, ни каким-либо из европейских языков. Разумеется, подобный способ перевода вопросов не мог не накладывать отпечаток на ответы анкетированных, так как в некоторой степени участникам опроса могла передаваться позиция автора исследования, либо друг друга. Последнего, впрочем, избежать невозможно ни при каких условиях, так как анкетированные обсуждали между собой вопросы анкеты и варианты ответа на них. Внутренняя солидарность среди мусульман в Беларуси выше, чем среди христиан, что в особенности вызвано осознанием своего меньшинства в иноязычной и иноверной среде. Во многих анкетах легко проследить связи друг с другом и определенное единство мнений.

В опросе приняли участие 56 мусульман из татарских общин Минска, Ивья и Новогрудка и 78 иностранных учащихся Белорусского

Национального технического университета и Минского государственного медицинского университета. Из них: 40 жителей Ливана, 14 жителей Ирана, 11 жителей Иордании, 2 жителей Марокко, 3 жителя Палестины, 1 житель Сирии, 1 житель Индии, 1 житель Кувейта, 1 осетинец, 38 человек называют себя татарами, 4 человека назвали себя белорусами и 1 участница опроса – русской. 7 человек свою национальность не указали. Интересно то, что один из участников опроса называет себя арабом, а еще 8 человек из татарской общины на вопрос о национальности говорят, что они мусульмане. Можно сделать вывод, что для белорусских мусульман религиозная идентичность важнее национальной. Так как подобный ответ нельзя объяснить языковыми затруднениями, то здесь можно говорить о своего рода позиции исламского интернационализма. Еще одна характерная позиция некоторых участников опроса состоит в том, что они не относили себя к какому-то определенному направлению в исламе, называя себя просто мусульманами. Всего в опросе приняли участие 134 человека. Приняв это число как 100%, мы в дальнейшем будем исходить из этих данных.

Преобладающее число участников опроса – сунниты (47,8% от общего числа участников), 39 человек – шииты (29,1%). Восемь человек необходимых сведений не оставили. 14 человек (10,4%) (в основном татарская община) назвали себя «мусульманами», подчеркивая тем самым, что для них ислам неразделим, а один из участников опроса, 25-летний уроженец Ливана, посоветовал «не вмешиваться в эту грязь». Интересно, что они воспринимают разделение на Sunna и Shī'a (суннитов и шиитов) не как историко-географическую данность, а как негативное и вредное явление. Из прочих вариантов ответа интересно, что несколько человек из мусульманской общины г. Ивье назвали свое направление - «Белорусские татары», Однако, это вряд ли является отражением определенной позиции, а происходит от недостаточности знаний по данному вопросу, так как встречаются и ответы вроде «к тому, которое проповедуют в мечети г. Ивье». Но, тем не менее, только 3 человека откровенно признали то, что они не знают, к какому направлению они относятся. Его анкета вообще представляет особый интерес, так как в ней он дает не только ответы на вопросы, но и свои комментарии и настойчиво предлагает диалог. Один из участников называет себя «аливитом», а 21-летний житель Ливана «дурзистом», причем он и еще двое участников опроса подчеркивают, что они не религиозны. Здесь, видимо, речь идет шиитской секте «алавитов» или «нусайритов» и о религии друзов. Нусайриты – «секта крайних шиитов, основателем которой считается Мухаммад ибн Нусайр (ум. в Басре ок. 883 г.). Будучи приверженцем имама одиннадцатого шиитского имама аль-Хасана аль-Аскарри (ум. 873 г.), Мухаммад ибн Нусайр стал проповедовать учение о божественности этого имама, пророком и посланником которого он якобы был...Учение Нусайритов (алавитов) представляет собой эклектическое смешение элементов шиитского вероучения, христианства и домусульманских астральных культов и верований... Согласно учению Нусайритов, Бог представляет собой неразрывное единство трех ипостасей (Смысл, Имя, Врата), которые периодически воплощаются в пророках. Последнее воплощение этой

троицы¹ - Али ибн Аби Талиб, Мухаммад и Сальман аль-Фариси. Как и большинство крайних шиитских сект, Нусайриты признают переселение душ (танасух), отвергая моральные и обрядовые запреты ислама. Они обожествляют Иисуса, почитают христианских апостолов, некоторых христианских святых и мучеников, справляют христианские праздники... Вместе с этим в учении секты сохраняются элементы астральных культов (почитание солнца, луны, звезд). Нусайриты делятся на две категории: непосвященных (амма) и избранных, посвященных (хасса). Последние имеют свои священные книги, которые они толкуют аллегорически... Нусайритские имамы отправляют культ по ночам в часовнях (кубба, араб.: купол), расположенных на возвышенных местах. В настоящее время крупные общины Нусайритов существуют в Сирии...и в Турции» /22. – С. 92 - 93/. Что же касается друзов (араб., Durūz), то здесь имеются в виду «члены религиозной общины, которая насчитывает приблизительно полмиллиона, в основном, в южном Ливане, юго-западной Сирии, в области Хаврана, северном Израиле, северной Палестине. Друзы – закрытая община, в основном, собственники земли, имеющие тайную религию, учения и практики которой они скрывают от непосвященных, что вплоть до сегодняшнего дня мешает их изучению. Религия друзов ведет свое начало от Исмаилии, основанной в XI-м веке в Каире, (Египет), в связи с культом Фатимидского халифа Аль-Хакима, который исчез в 1021 году. Сначала Аль-Хаким понимался ад-Дарази как инкарнированный разум – отсюда, собственно и имя – друзы... Сами они называли себя *muvahhidun* («исповедники единства») и нашли сильную поддержку среди шиитской Исмаилии... Вследствие гонений приняли *takija* («хранение в тайне») и сделали свое исповедание веры наследственным. Никому не разрешалось входить в общину или покидать ее. Хамза б. Али отклонил Сунну пророка Мухаммеда и ввел много чуждых исламу предписаний и догм. Основные догмы друзской веры: исповедание единства Божия, вера в последовательные манифестации Божества в человеческом образе (Божества или Универсального Разума),... Аль-Хаким считается последней и величайшей Божественной инкарнацией,... Хамза б. Али – величайший святой,...вера в переселение душ и предопределение...Община друзов делится на *'ukkāl* («разумные», «посвященные») и *ḡikhāl* («незнающие»), большинство непосвященных лаиков. В религиозных собраниях, которые проводятся в ночь с четверга на пятницу, участвуют только *'ukkāl*. Те из *'ukkāl*, которые достигли больших заслуг, становятся *aḡāwīd* («совершенные») и ведут практически аскетическую жизнь... Друзская община носит характер религиозного братства, которое в период кризисов действует единогласно. И это свойство дало им возможность выжить вплоть до нынешних времен» /32. – С. 255-256/.

В процессе опроса встретился и крайне интересный эпизод. Ответив на большинство вопросов анкеты, 22-летний уроженец Ливана последним пунктом указал, что он христианин. Однако, это легко объяснимо, учитывая языковые затруднения. Другой случай, тем не менее, свидетельствует уже не о языковых затруднениях, а о размытой религиозности на постсоветском пространстве. Во время заполнения анкеты один из участников опроса, уроженец Казахстана сказал, что он

крещен в православии, но на вопрос, почему же он заполняет анкету, ответил, что он мусульманин тоже, так как «много знает о них и иногда ходит в мечеть». При этом стало понятно, что он не различает не только христианские конфессии, но и религии и не считает нужным заниматься этим вопросом. Приезжие из арабских стран гораздо более четко выражают свою принадлежность к одному из направлений ислама.

Преобладающее большинство участников опроса воспитывались в исламе с детства (77,6%), еще 7,5% на вопрос не ответили, причем процент ответивших отрицательно приезжих мусульман несколько выше, чем местных, что объясняется преемственностью поколений татар-мусульман, сложившейся исторически.

18,7% опрошенных указали, что они состоят в браке с единоверцем, 25,4% ответа не дали, 48,5% подпадают под категорию «холост, разведен, вдовец», еще 3% указали, что состоят в браке, но не указали с кем. И только 4,5% указали, что состоят в браке с представителем другой религии. При этом все ответившие так – мужчины. Это объясняется законами Шариата, о чем будет более подробно упоминаться в следующей главе. Здесь мы не наблюдаем каких-либо отклонений, несмотря на жизнь в немусульманской среде.

27,6% опрошенных проживают в Республике Беларусь менее 5 лет, 9,7% – более пяти, но менее десяти лет, 3 участника проживают менее года (что делает честь их знанию русского языка), а 19,4% обозначили, что живут в Республике Беларусь всю жизнь. 39,6% вообще не ответили на вопрос, но такое большое число не ответивших объясняется тем, что большинство из них – татары, которые являются коренными жителями и не сочли нужным ответить на данный вопрос.

Так как большинство анкет собрано в БНТУ и МГМУ г. Минска, то естественно, что большинство участников опроса (47,0%) являются студентами, либо уже имеют неоконченное высшее образование, 29,1% указали, что имеют среднее или среднее специальное образование (большинство из них – жители Ивья и Новогрудка), а 16,4% имеют высшее образование.

Так как большинство участников опроса – выходцы из арабских стран, приехавшие получать высшее образование, то, легко объяснить, почему 73,1% всех участников опроса – мужчины. Если говорить более подробно, то среди приезжих только 7,7% – женщины, тогда как в числе местных мусульман приняла участие в опросе почти половина женщин – 48,2%. Здесь нельзя не отметить влияние советского менталитета, полностью уравнивающего оба пола, однако нельзя не принимать во внимание, что одной из составляющих последнего являются христианские этические нормы.

В связи с тем, что большая часть респондентов – приезжие студенты, а среди местных мусульман – люди предпенсионного и пенсионного

возраста, 47,0% участников опроса относятся к первой возрастной группе (18-25 лет), 20,1% - относятся к четвертой (60 и выше), 17,9% - ко второй возрастной группе (26-39 лет), 11,9% - к третьей (40-59 лет), 4 человека свой возраст не указали.

Аргументируя вышеуказанные возрастные деления необходимо сказать, что основной целью определения возрастной шкалы являлось включить в себя весь диапазон индивидуального разнообразия опрашиваемых в русле культурно-исторической теории психологического развития человека, берущего свое начало от Л.С.Выгодского. Его антропологический подход был воспринят и разработан одним из более современных отечественных психологов Виктором Ивановичем Слободчиковым. Его «Интегральная периодизация развития субъективной реальности» широко распространена в отечественной литературе на сегодняшний день. В.И.Слободчиков рассматривает четыре возрастных периода:

- Кризис юности (17-21 год) – молодость (19-28 лет);
- Кризис молодости (27-33года) – взрослость (32-42 года);
- Кризис молодости (39-45) – зрелость (44-60 лет);
- Кризис зрелости (55-60 лет) – старость (62 и далее) /29. – С. 196/.

При этом следует отметить, что любые возрастные рамки будут носить по преимуществу условный характер с точки зрения психологии.

Однако необходимо отметить, что собранные данные не являются репрезентативными, так как выбранная совокупность опрашиваемых не отражает в полной мере генеральную совокупность с учетом ошибки выборки. Поэтому собранные данные носят иллюстративный характер и интересны прежде всего с точки зрения религиозного и психологического анализа.

В будущем хотелось бы продолжить данные исследования, расширив круг опрашиваемых для того, чтобы полученные данные носили бы уже не только иллюстративный, но и репрезентативный характер.

Описывая анкету, следует сказать, что в ней двадцать вопросов и приложение, в котором содержатся вопросы о личных данных опрашиваемого, и также к вопросу о семейном статусе прилагается вопрос о том, считает ли участник опроса обязательным, чтобы оба супруга исповедовали ислам.

Условно вопросы можно разделить на четыре тематических группы.

Первые пять вопросов нацелены на выяснение степени религиозной ангажированности и вовлеченности в культовые практики и жизнь общины. Ко второй группе относятся вопросы, касающиеся личной религиозной образованности опрашиваемого, вопросы, касающиеся знания основных положений учения традиционного ислама: вопросы №№ 6,10,11, 12,14,16,17,18. Третья группа вопросов предназначена для определения того, насколько участник опроса обладает знанием других религий (вопросы №№ 7,8,12). И, наконец, в четвертую группу включены вопросы, отражающие восприятие участником опроса отношений с представителями немусульманских вероисповеданий.

По виду вопросы можно разделить на четыре вида. Это закрытые вопросы с ясно очерченными вариантами ответа (вопросы №№ 1,3-8,12,13). Также есть полностью открытые вопросы (№№ 9,11,15,17,19,20), и вопросы смешанного типа (№№ 2,10). Все эти вопросы (кроме открытых) подразумевают один вариант ответа, что во избежание недоразумений было указано возле каждого вопроса. Однако недоразумения все равно возникали, так как некоторые участники могли выбрать несколько вариантов, что легко объяснимо, так как, например, в вопросе № 1 («Как часто вы посещаете мечеть?») ответ № 2 («Раз в неделю») не исключает четвертого ответа («По религиозным праздникам») и т.д. В подобных случаях выбирался вариант, тяготеющий к одному из полюсов. Кроме того, в анкете есть три вопроса, подразумевающие несколько вариантов ответа. Это вопросы №№ 14,16,18. И все они подразумевают возможность собственного варианта ответа. Для обработки данных потребовалась кодировка.

Каждому вопросу была присвоена своя переменная в буквенном и цифровом эквиваленте. При этом каждый вариант ответа обозначался соответствующим номером. В ходе разбора анкет неоднократно понадобилось добавлять не предложенные заранее варианты ответа, так как респонденты добавляли свои варианты ответа. Это касается вопросов №№ 1,3,4, где из этических соображений не были указаны отрицательные варианты ответа. В таком случае вариант ответа помечался последующим номером.

Вопросы, в которых возможно было выбрать несколько вариантов ответа, имели другую структуру кодировки. В них каждому варианту присваивалась собственная переменная в цифровом или буквенном эквиваленте в арифметической прогрессии от начальной переменной. При этом возможный собственный вариант ответа, также обозначенный переменной, подразделялся на предполагаемые подварианты, каждому из которых присваивался цифровой код. Единичные ответы в расчет не брались. При этом в вышеуказанных вопросах амплитуда цифровых кодов была от 0 до 1, где 0 – отсутствие ответа, а 1 – ответ.

Трудности возникали при кодировке открытых вопросов в связи с большой вариативностью ответов на них. Однако проблема решалась следующим образом: наиболее часто повторявшимся ответам присваивался

собственный номер, а единичные ответы попадали в последнюю категорию «все остальные». Максимальная амплитуда вариантов ответа от 1 до 9.

Цифровой код «0» означает отсутствие ответа или невозможность его расшифровки (или интерпретации), а в ответах №№ 14,16,18 может интерпретирован как положительный взгляд в противовес отрицательным вариантам ответа. Кроме того, отдельный случай представляет собой 31-ая переменная (AE) – седьмой вариант ответа на 18-ый вопрос. «Верные» - это только мусульмане – изначально неуместный с точки зрения логики вариант ответа, так как в данном вопросе требуется выбрать из ниже перечисленных представителей, кого опрашиваемый считает «неверным». Таким образом, вышеуказанный вариант ответа служит только вариантом кода ко всему вопросу, так как участники опроса, отметившие только этот вариант, автоматически утверждают, что все остальные варианты верны, также как и те, которые помечают все варианты ответа, кроме данного. Поэтому было решено, в обоих случаях данный вариант ответа помечать как выбранный (цифровой код 1). Второй случай подобного изменения кода, когда участник опроса отмечает из всех возможных вариантов ответа второй («христиане») и вышеуказанный вариант. В таком случае интерпретировать это возможно как то, что участник опроса считает «верными» мусульман и христиан.

Кроме того, в некоторых вопросах для большей ясности потребовалось ввести дополнительную кодировку, так как определенные варианты ответа носили слишком большое разнообразие ответов, как, например вопрос №11, где стало целесообразным выяснить, каких из пророков участники опроса упоминают чаще остальных.

Кроме того в приложении, касающемся личных данных участников опроса также присутствует вопрос, обозначенный 42-ой переменной (о необходимости для обоих супругов быть мусульманами (AP)). Приложение к двадцати вопросам анкеты, касающееся личных сведений об адепте, включает с себя 11 вопросов, включая и вышеуказанный, и девять переменных, так как в двух случаях два вопроса задают одну переменную (вопрос о семейном статусе и об образовании). Вопросы были охарактеризованы выше. Кроме того, были добавлены еще две переменных (45,46), первая из которых обозначала место проведения анкетирования, а вторая – приезжих мусульман и мусульман Беларуси. Приложение к анкете было составлено для того, чтобы выяснить степень влияния возраста, пола, образования, национальности, срока проживания в Республике Беларусь, семейного статуса, воспитания в Исламе с детства, направления ислама на ответы участников опроса. В силу недостаточно большого числа опрашиваемых, далеко не все пересечения вопросов (переменных) имеют наглядность и смысловую значимость. Однако и среди данного числа участников опроса можно отметить зависимости, параллели и закономерности между определенными группами.

Самым знаковым и целесообразным будет сравнительный анализ ответов

приезжих мусульман и мусульман Беларуси.

Прежде всего, хотелось бы дать общую интерпретацию всем ответам. Что касается первой группы вопросов, то 33,6% опрошенных ответили, что посещают мечеть по возможности, что легко объяснимо, так как в Минске нет пока еще широко известной для приезжих мусульман и достаточно вместительной мечети, куда могли бы приходить верующие со всего Минска. Сунниты в большинстве своем собираются во временной мечети на улице Грибоедова, принадлежащей татарской общине города Минска, где идет постройка новой мечети на историческом татарском кладбище. Большинство шиитов собирается в специально отведенном для молитвы помещении, находящемся в посольстве Ирана. Кроме того, для приезжих мусульман нередко составляет трудность ассимилироваться в местном мусульманском обществе. Но, тем не менее, половина опрошиваемых ответила, что посещает мечеть раз в неделю (26,9%) и даже чаще, чем раз в неделю (20,0%). При этом 5 человек из числа приезжих пометили в своих анкетах, что ходят в мечеть несколько раз в день (возможно, чтобы совершать там намаз). Это означает, что в самом вопросе кроется двусмысленность, вызванная неточностью его постановки, так как для приезжих мусульман не было точно понятно, о каком посещении идет речь: на родине или в Беларуси. Справедливость вышесказанного подтверждается тем, что 42,9% (большинство) белорусских мусульман стабильно посещают мечеть раз в неделю, а 8,9% - чаще, чем раз в неделю, а 26,8% - по возможности, 19,6% - по религиозным праздникам. Что же касается приезжих мусульман, то 38,5% мусульман (большинство) посещает мечеть по возможности, 9,0% - по религиозным праздникам. А 43,6% мусульман посещают мечеть чаще, чем раз в неделю (28,2%) или еженедельно (15,4%). В идеальной модели мусульмане должны посещать мечеть для пятничной молитвы один раз в неделю. И здесь всплывает еще одна проблема, так как многие из опрошиваемых не были уверены, как им следует отвечать на вопросы анкеты: то, что положено по учению веры, или свое личное мнение. Само такое разделение (наблюдается оно в основном у приезжих мусульман, местная татарская община выказывает часто меньшую осведомленность в культовых нормах, но зато более устойчивые поведенческие образцы) указывает на то, что имеет место разрыв между нормами религии и собственным мировоззрением адепта, что, вероятно, указывает на его религиозную малограмотность и неполную религиозную ангажированность. Разумеется, участником опроса было предложено поступать свободно, но акцент делался на личное мнение. Резонно предполагать, что проблема такого характера неизбежно может возникнуть во время любого подобного религиоведческого исследования.

Кроме того, некоторые участники опроса прямо указывали на то, что они «не религиозны». Как правило, это выходцы из Ливана или Ирана. И, наконец, 13,4% опрошенных указывают, что посещают мечеть по религиозным праздникам, что близко к пятому ответу.

На вопрос об участии в жизни общины 56,0% опрошенных указали, что являются рядовыми членами общины, а 20,1% - что выполняют различные

поручения общины. При этом, среди приезжих мусульман большой процент опрошенных (20,5% от общего числа приезжих мусульман) представились, как члены руководства общины, что интересно, так как неясно, о каких общинах идет речь, и где они располагаются (на родине или в Беларуси). Тогда как среди мусульман-татар анкеты заполняли четыре действительных руководителя общин, в том числе имамы Новогрудской и Ивьевской общин. Следует отметить, что выбравшие вариант ответа «Иное», указали только «Ничего», что было интерпретировано, как то, что они являются рядовыми членами.

На вопрос о частоте молитвы ровно половина опрошенных ответила, что молятся по возможности. Здесь преобладают ответы местных мусульман (30,6% от всех ответов - 73,2% от их общего числа). Тогда как приезжие мусульмане в большинстве (48,7%) выбрали вариант «5 раз в день». А 15,4% из них молятся более 5 раз в день. Это показывает, что, для выходцев из арабских стран совершение молитвенного обряда носит более неукоснительный характер, несмотря на затруднительные условия для полного совершения намаза в немусульманском обществе.

Что же касается чтения Корана, то здесь подобное разделение не настолько ярко выражено, так как и большинство приезжих мусульман (41,0% от общего числа приезжих) и большинство белорусских мусульман (37,5% от общего числа местных мусульман) указали, что они читают Коран «иногда» (39,6% от общего числа ответивших). При этом «меньше читали, но больше слушали» Коран местные мусульмане (28,6% от общего числа местных ср.17,9% от общего числа приезжих), а «раз в неделю» больше читают выходцы из арабских стран (20,5% от общего числа приезжих ср.16,1% от общего числа местных). Это легко объяснимо тем, что среди местных мусульман преобладают верующие со средним образованием (69,6%), пожилые (48,2%), предпенсионного и пенсионного возраста (30,4%), и вряд ли они могут иметь возможность или же устоявшуюся привычку читать Коран так же регулярно как выходцы из арабских стран.

Поднимая вопрос о посте, необходимо отметить подобную же тенденцию: большинство ответивших строго соблюдают пост в месяц Рамадан. Здесь большинство голосов принадлежит приезжим мусульманам (половина от их общего числа и 29,1% от всех ответов), тогда как 32,1% местных мусульман вообще не постятся, а 28,6% соблюдают Рамадан по возможности. Эта закономерность объясняется также двумя вышеуказанными причинами: возрастом участников опроса и средой их проживания. Хотелось бы упомянуть, что, тем не менее, число постящихся в месяц Рамадан и чаще несколько выше у местных мусульман, при чем неоднократно в анкетах встречаются добавления с перечислением мусульманских праздников, в которые необходим пост.

Подводя краткие итоги анализа первой группы вопросов анкеты, касающихся личной религиозности участников опроса, необходимо сделать вывод, что на исполнение культовых предписаний (таких как пост и

молитва), безусловно, влияют возраст адептов и их историческая среда проживания, с ее установившимися нормами и традициями. В целом в круг опрашиваемых попала средняя прослойка верующих с небольшими отклонениями в сторону полного исполнения культовых норм Ислама и в сторону полной безрелигиозности (это касается, прежде всего, приезжих мусульман).

Что касается следующей группы вопросов, нацелены они на выяснение степени религиозной образованности участников опроса. 48,5% опрошенных ответили, что их собрание религиозных книг исчисляется Кораном и некоторыми религиозными книгами, при этом около половины приезжих мусульман (44,9%) имеют только Коран. Процент назвавших свое собрание религиозных книг значительным достаточно мал – 17,9% всех ответов, причем в местной татарской мусульманской среде наоборот, количество тех верующих, кто называет свое собрание религиозных книг значительным, преобладает (25,0%). Логично сделать вывод, что приезжим мусульманам значительно труднее иметь достаточное собрание религиозной литературы, так как вести ее с собой затруднительно, а для того, чтобы ее покупать на месте, нужно обладать достаточным знанием русского языка и иметь возможность обратиться в Республике центры мусульманской религиозной литературы. Однако, подобных центров в Беларуси в настоящий момент нет, что является проблемой и для местного мусульманского населения, и это является одним из факторов, тормозящим духовное возрождение в мусульманской среде Беларуси.

На вопрос 10 анкеты: «Существуют ли кроме Ислама религии, установленные Богом?» ответы имеют достаточно широкую вариативность, так как это вопрос смешанного типа. Предполагается семь вариантов ответа: «да (без указания, какие)»; «да, христианство и иудаизм»; «да, христианство»; «да, все религии установлены Богом»; «нет, только Ислам установлен Богом»; «затрудняюсь с ответом»; «иное». Здесь ответы обеих групп участников не совпадают. Приезжие мусульмане либо просто утверждают, что установленные Богом религии есть, либо называют такими религиями христианство и иудаизм (30,8% и 28,2% от их общего числа), 11,5% утверждают, что Богом установлен только Ислам. Тогда как мусульмане местного татарского объединения в большинстве утверждают, что Богом установлен только Ислам (32,1%), либо затрудняются с ответом (28,6%), 16,1% от общего их числа придерживаются мнения, что установлены Богом и христианство и иудаизм. Скорее всего, подобная разница в ответах обусловлена недостаточной осведомленностью в вопросах веры у местных мусульман (причины обсуждались ранее). Коранические аспекты данного вопроса будут рассмотрены в следующей главе.

Хотелось бы также отметить несколько ответов, включенных в группу «иное». Двое из приезжих мусульман говорят, что Богом установлены не только христианство и иудаизм, но и зороастризм (жители Ирана). Студентка из Ливана утверждает, что Богом установлен также индуизм, а другой студент-ливанец называет только иудаизм. Также нельзя не

согласиться со справедливостью суждения, отнесенного к четвертой подгруппе, что «каждому народу посылались пророки в свое время» (говорит 19-летняя студентка, из татарской общины, получающая высшее образование), и что «Ислам – покорность Богу», а это – постулат любой религии» (говорит пенсионерка из татарской общины, имеющая высшее образование). Также чрезвычайно интересно то, что, по всей видимости, местные мусульмане в большинстве случаев часто не различают христианские конфессии, с представителями которых живут бок о бок. Поэтому, когда на указанный вопрос давали ответы вроде «установлено Богом православие» или «католицизм и иудаизм», то приходилось относить такие ответы к третьему варианту. Особый интерес вызывают четыре ответа из Ивья, в которых «установленными Богом» называются «православие и христианство». Конечно, подобные ответы являются свидетельством безразличия белорусских мусульман по отношению к соседствующим религиям, причем на вопрос «На сколько хорошо Вы знаете другие религии?» большинство отвечает, что знает их «достаточно, чтобы правильно общаться с представителями других религий». Здесь становится заметной некоторая переоценка собственных знаний и собственной толерантности по отношению к другим религиям. Основанием для такой позиции служат скорее всего преимущественно бытовые, соседские, дружественные или родственные отношения между мусульманами и их соседями, также, по-видимому, не сильно религиозными, так что подобные отношения не затрагивают религиозных различий.

На вопрос, «Каких пророков Вы знаете?» все возможные варианты ответов были кодифицированы в шесть групп. К первой были отнесены те участники опроса, которые назвали пророком только Мухаммеда. Ко второй – те, кто давал различные уклончивые ответы вроде «всех» или «много». В третью группу попали все те, кто называл имена всех основных пророков, в четвертую те, кто писал только цифры. В пятую, самую немногочисленную, те, кто делал многочисленные перечисления, показывая тем самым, серьезное знание учения, и, наконец, в шестую – также небольшую, те, кто называл имена пророков и указывал их количество по вероучению Ислама. Большинство участников опроса (40,3% от всех опрошенных) называли имена своих пророков. Приезжие мусульмане также предпочитали во многих случаях (19,2% от числа приезжих) обходиться цифрами, что в прочем может быть следствием затруднений при написании. Что же касается белорусских мусульман, то они (21,4% от их общего числа) единодушно называли пророком только Мухаммеда, что также может являться следствием недостаточных познаний в данной области. В ходе анализа представилось целесообразным выявить, какие имена пророков упоминаются чаще всего. Здесь следует сказать, что следующее место после пророка Мухаммеда (83 ответа) занимает имя Исы (Иисуса) – 54 ответа. После чего следует имя Мусы (Моисея) – 45 ответов и Ибрагима (Авраама) – 37 ответов, также значительное количество раз упоминается Адам – 19 ответов, Нух (Ной) – 17 ответов, Юсеф (Иосиф) – 9 ответов и Исмаил (Измаил) – 8 ответов, Сулейман (Соломон) – 7 ответов, Иаков (6 ответов), Дауд (Давид) – 4 ответа, Лут (Лот) – 4 ответа, также

дважды упоминаются Исхак (Исаак), Яхья (Иоанн), Идрис, Салих, Шуэб. Кроме того, дважды упоминаются Али и Хусейн (не нужно говорить, что их упомянули молодые шииты из Ливана). Также единожды упоминается Нун и Праведные Халифы: Омар, Осман и Али. Подобные количественные показатели базируются, конечно, на учении о девяти главных, или «стойких», пророках, о чем и написал в анкете 25-летний иранец. Интересно и то, что пророки, названы, в основном, ветхозаветные, те, которые упомянуты в Коране и о жизни которых повествуют многочисленные издания брошюрного типа. Что же касается упоминаемых цифр, то их величина изрядно варьируется от 124 000 (вообще возможное число пророков, посланных Богом к различным народам) до 16 (что вообще мало объяснимо, как и числа 21, 23, 24). Четырежды упоминается число 25, что странно, так как число пророков, упомянутых в Коране - 28. Числа 30, 54, 114 требуют особого рассмотрения. 113 000, 12 000, 100 000 возможно являются вариантами общего числа пророков 124 000. «В Коране упомянуто двадцать восемь пророков, причем первым в этом списке назван Адам. Девять из них традиционно именуются «стойкими». Нух (Ной) уверовал в Бога и спас свою семью от потопа. Ибрахим (Авраам), названный в Коране «другом Бога», был первым правоверным на территории Аравии: он восстановил Каабу, возведенную Адамом до потопа, разбил всех идолов и согласился принести в жертву Богу своего сына Исмаила (Измаил). Однако Бог отменил Свое повеление, Исмаил остался жив и стал родоначальником арабского народа. Дауд (Давид) прославился тем, что составил книгу песнопений во славу Божью (Псалмы), боролся с неверными (Голиаф), и свято чтит обычаи, установленные Богом. Йакуб (Иаков - Израиль) был благословлен Богом, пожаловавшим ему благочестивый нрав и пророческий дар. Йусуф (Иосиф), сын Йакуба, был великим египетским пророком, толковавшим сны по воле Божьей. Аййуб (Иов) прославился своей стойкостью в борьбе с несчастьями, посланными ему в испытание, и своей верностью Богу. Муса (Моисей) почитается как великий чудотворец именем Божьим, получивший Тору для различения добра и зла. Иса (Иисус) – восьмой стойкий пророк. Коран считает его подобным Адаму, поскольку он сотворен непосредственно самим Богом, и называет Ису «Словом Бога и Духом Его»... Иса предсказал приход после него девятого стойкого пророка... Мухаммеда... Помимо стойких пророков Коран упоминает мудрецов-небожителей Ильйаса (Илию), Идриса (Еноха) и Хидра, премудрых и взятых на небо живыми. В Коране также можно найти рассказы о пророках аравийских народов (Худ, Салих, Шуайб),... Впоследствии в различных течениях ислама формируются локальные культы святых и пророков, и число пророков ислама в настоящее время не поддается учету (более трехсот)» /27. – С.94-95/. Этим по-видимому вызвано разнообразие многих ответов. Особого внимания заслуживают ответы вроде «знаю много, но никто от Бога», «никого». По-видимому, среди опрошенных мусульман имеется чувство неудовлетворенности внутренним состоянием самого ислама сегодня. То, что имя «Иса» встречается чаще всех остальных имен, а в одной анкете названо только оно, скорее всего, является следствием среды, в которой живут участники опроса и окружения, в котором они возвращаются. При этом участники опроса многократно говорят не «Иса», а «Иисус Христос»!

На вопрос о сохранности иудео-христианских Писаний большинство участников опроса (41,0%) ответили отрицательно, но при этом большая часть местных мусульман затруднилась с ответом (46,4%), либо не ответила вовсе (5,4%), что также определяется неуверенностью участников опроса в данном пункте исламского вероучения о Писаниях «людей Книги» из-за недостаточной осведомленности. Необходимые для исследования аспекты вероучения будут рассмотрены в следующей главе. Напротив, 34,6% приезжих арабов ответили, что тексты Священных книг христиан и иудеев сохранились в неприкосновенности. Чем объяснить подобный ответ, хотя это ясно указано в Коране, кроме неосведомленности, пока неясно, так как стойких зависимостей не просматривается.

На вопрос о том, «Какие из указанных убеждений представителей иудаизма участники опроса считают ошибочными?» преобладающее большинство выбрало первый вариант ответа: «то, что представители иудаизма считают себя особым народом, избранным Богом» (62,7%). Причем количество приезжих мусульман, выбравших данный вариант ответа (70,5%) значительно превышает ответы местных мусульман (51,8%), что можно объяснить сохраняющейся на Ближнем востоке геополитической напряженностью в отношении Израиля. И только 26,1% опрошенных ответили, что не верно также и то, что Писания иудеев сохранились неизменными, а 11,2% согласились с тем, что евреи есть особый народ, избранный Богом, но отрицают то, что их Писания сохранились неизменными. Здесь ответы приезжих и местных мусульман мало отличаются. Среди предложенных собственных вариантов ответа выделить следует только неоднократно повторяющиеся слова о том, что ошибочных убеждений у представителей иудаизма гораздо больше, чем указано в анкете. Причем один из участников опроса с мольбой просил позвонить ему, чтобы более подробно обсудить этот вопрос. Также часто встречается мнение, что евреи были избраны Богом, но, поступив плохо, утратили свою избранность, встречаются и просто негативные отзывы. В основном, все упомянутые ответы встречаются в анкетах приезжих мусульман-арабов.

Теперь хотелось бы сравнить ответы на вопрос о том, какие из указанных представлений христиан участники опроса считают ошибочными. Были предложены шесть вариантов ответа и также предоставлена возможность собственного варианта. Безоговорочно, большинством голосов (67,2%) было признано неверным убеждение христиан в том, что Иисус Христос (Иса) – Сын Божий. Причем большую уверенность в этом (75,6% от их общего числа) выказывают приезжие из арабских стран, тогда как местные белорусские мусульмане дают такой ответ в 55,4% случаев (безусловно, здесь дает свое влияние среда проживания участников). Ни одно из прочих убеждений христиан не вызывает у участников столь однозначной реакции, ни одно из убеждений не набрало большинства голосов «против». Белорусские мусульмане больше чем приезжие протестуют против веры христиан в Пресвятую Троицу (соответственно 44,6% и 34,6%), против

почитания святых и Богородицы (соответственно 39,3% и 32,1%), против иконопочитания (соответственно 53,6% и 34,6%). В свою очередь приезжие мусульмане выражают свое несогласие с неизменностью Писаний у христиан (соответственно 47,4% и 14,9%) и с догматом Искупления (соответственно 41,0% и 37,5%). Так же большинство добавляет, что «Иса – только пророк, пусть и величайший» и что «он не умер на кресте», также несколько местных мусульман считает неверным то, что христиане «исповедуют свои грехи священнику, а не Богу» (здесь на лицо непонимание христианского Таинства исповеди). Также один из участников опроса, что только 2 % христиан религиозны, а другой признает искренне, что не желает отвечать. Неуверенность в ответе на данный вопрос может происходить из двух источников: из-за незнания христианского учения или из этических соображений, что можно было наблюдать и во время проведения опроса. Данная проблематика подробно рассматривается в следующей главе.

Также интересно рассмотреть, какие признаки религии указывают на то, что она истинная по мнению участников опроса. Следует отметить, что ответ на данный вопрос вызвал немало затруднений у опрашиваемых. Это связано, во-первых, с языковыми сложностями: оказалось, что большинство арабских участников незнакомо со словами «признак» и «истинный», а во-вторых, с тем, что вопрос был воспринят как излишне сложный и требующий глубоких знаний. Однако, цель данного вопроса не в том, чтобы получить от опрашиваемого глубокий богословский анализ, а в том, чтобы выяснить, какие атрибуты и проявления ислама являются основополагающими для верующих в его истинность. Итак, как уже упоминалось выше, процент вопросов, оставленных без ответа, достаточно велик – 36,6%. Все остальные варианты распределились следующим образом: наибольшее число голосов из девяти возможных вариантов было высказано за то, что основной атрибут истинной религии – вера в Единого Бога (16,4%) либо вообще религиозная вера (8,2%), 6,7% указали «человеческий фактор» (название условное, так как вопрос открытый, здесь имеется в виду степень моральности адептов, способность жить «честно» и «в мире» со своими соседями и проч.) как основополагающий для определения истинности, а по 6,0% голосов было отдано за такие атрибуты истинной религии как Коран (или обладание Священной книгой, равной ему) и исполнение религиозных обязанностей (здесь имеются в виду Столпы Ислама). Интересно то, что основные положения религиозного учения Ислама /14. – С.62/ или часть из них, были названы как признаки истинности только в 3,7% случаев. Три человека сказали, что истинная религия – та, в которой у верующих нет сомнений, четверо назвали несколько признаков: вера и «достойная жизнь», а двое из них вновь упомянули «Книгу» (здесь следует отметить, что подобных случаев было не много, и тогда им присваивался цифровой код в соответствии с первым названным признаком).

Что касается первого упомянутого варианта ответа, то здесь не возникает никаких вопросов, так как постулат единобожия – основополагающий постулат исламской религии. Однако, интересен другой факт – среди

ответов местных мусульман данный вариант занимает безусловно лидирующее место – 32,1% от их общего числа, тогда как процент таких же ответов у приезжих мусульман несравнимо ниже – только 5,1% от их общего числа. Возможно, такая разница может быть косвенно обусловлена тем, что Белорусские мусульмане живут в сугубо христианской среде, или, по крайней мере, на исторически христианской территории, а христианские догматы о Пресвятой Троице и Божественной природе Господа Иисуса Христа не согласуются с учением Ислама, и воспринимаются верующими мусульманами как многобожие, заблуждение и искажение веры. Поэтому, часто не имея достаточного понимания христианского учения, многие верующие мусульмане ощущают антагонизм к нему, иногда не вполне осознанный, который выражается в более жесткой констатации единобожия. Возможно, разногласия были бы меньше, если бы мусульманские верующие имели возможность для лучшего понимания этих догматов, что стало ясно и во время проведения исследования, когда в процессе диалога, напряженность вокруг данных вопросов заметно снижалась. Противоположную ситуацию мы можем наблюдать в вопросе о Священной Книге. Здесь все ответы принадлежат приезжим мусульманам (6,0% от общего числа и, соответственно, 10,3% от числа приезжих, что является самым распространенным вариантом их ответов). Возможно, основной причиной данного результата является языковое разделение: священным для мусульман языком, арабским, владеет лишь очень незначительная часть местных верующих, что объясняется историческими и социальными причинами. Подобную же картину мы можем увидеть и касательно «человеческого фактора» как признака истинной религии. Данный признак назвали 10,3% опрошенных приезжих мусульман, и только 1,8% местных. Возможно, подобная разница мнений объясняется настроенностью белорусского населения: многочисленные родственные и дружественные связи объединяют местных мусульман-татар с их окружением в единую национальную целостность, чего нельзя сказать о приезжих из стран Ближнего Востока, которые рассматриваются преобладающим большинством населения, включая и татарскую умму, как элемент внешний и, более того, нередко чужеродный. Таким образом, для местных мусульман их отношения со своим христианским окружением, поведение самих христиан или тех, кто статистически к ним причислен, не являются знаковым свидетельством истинности христианства, так как возможно, что на бытовом уровне представители какой-либо религии, с которыми идет общение, могут не идентифицироваться как адепты данной религии с ее учением и правовыми нормами. Что же касается приезжих мусульман, то для них подобное разделение проявляется в очень малой степени, так как, попав в инородную религиозно-культурную среду, большинство из них воспринимает всех окружающих как прежде всего «христиан», и, соответственно определяет и их религию. Косвенным доказательством тому может послужить ответ-наблюдение одного из приезжих мусульман на вопрос 16: «Из христиан только 2% религиозны». Характерен также и ответ, что истинная религия та, в которой нет сомнений (все три анкеты принадлежат в достаточно большой степени религиозно-ангажированным, как это видно из первых пяти вопросов, студентам из Ливана). Кроме того,

достаточно большое число всех опрошенных (10,4%) дали свои, достаточно оригинальные ответы. Самые интересные из них: «Ислам» (так ответили трое местных мусульман), «неизменность» (уроженец Ливана) и ответы вроде «Идеального ничего нету» (говорит студент из Беларуси), «все религии истинные» (Ливан), однако их интерпретация, в связи с малочисленностью, может носить только условный характер.

И, наконец, последний вопрос данной группы, это вопрос 18, касающийся разделения на «верных» и «неверных». В следующей главе данной тематике уделяется значительно внимания. Из всех предложенных вариантов ответа на данный вопрос преобладающее большинство голосов было отдано только за два варианта. 61,9% называют «неверными» атеистов, 38,1% этот пункт не отметили. 59,7% считают «неверными» сектантов, в отличие от остальных 40,3%, данный пункт не отметивших. Сразу необходимо сказать, что, судя по процентному составу внутри общин, приезжие мусульмане выбирали этих представителей с гораздо большей долей уверенности, а, например, что касается сектантов, то ровно половина местных мусульман не сочла их «неверными» (ср. соответственно 66,7% приезжих). И здесь хотелось бы упомянуть проблему различия пониманий явления сектантства местными мусульманами и местными Православной и Католической Церквями. Еще во время проведения опроса был затронут вопрос о тоталитарных псевдохристианских сектах, наподобие «Виссарионовцев» и «Свидетелей Иеговы». Интересно то, что многие из местных мусульман считают представителей данных сект «более религиозными, искренне верующими людьми». Это показывает, что местные мусульмане обладают значительным потенциалом толерантности, который реализуется при контакте иноверными. Кроме того, здесь прослеживается связь с феноменом незаполненности религиозного пространства постсоветского социума, и, обилием хлынувших в страны бывшего СССР новых религиозных и псевдорелигиозных организаций, наполнения так называемой оккультной среды, когда общепринятые восприятия изменяются или формируются новые. Подтверждением тому может служить и тот факт, что только 32,1% местных мусульман обозначили «экстрасенсов, врачей и проч.» как «неверных», а 67,9% этот пункт не отметили, показывая тем самым влияние вышеупомянутой «оккультной среды». В отличие от местных, приезжие мусульмане в большинстве своем считают указанных представителей «неверными» (59,0% от их общего числа). Отметить следует лишь один ответ, где к указанному пункту следовала приписка: «если это не обман». Насколько распространен такой взгляд (деление врачей на «настоящих» и «ненастоящих») на арабском Востоке мы сказать не можем, хотя было бы интересно проследить эту особенность менталитета. Возможно, это связано с не в полной мере разработанным понятийным аппаратом по данному вопросу в Исламе вообще, либо вообще иным восприятием феномена сектантства. Однако, необходимо более углубленное изучение данной проблематики.

Подобную расстановку сил мы наблюдаем еще в трех случаях:

большинством голосов приезжие мусульмане назвали в числе «неверных» многобожников, иудеев и представителей всех прочих религий и культов кроме христиан. Однако, все эти представители были признаны «неверными» только частью местных мусульман. Первую и последнюю группы причислили к «неверным» естественным путем, так как на это есть прямые указания в Коране; объяснить, почему, тем не менее причислили к ним иудеев не требуется, это вызвано геополитической ситуацией на Ближнем Востоке. Также достаточно ясно почему «неверными» не названы христиане (87,5% от общего числа местных мусульман и 65,4% от приезжих – меньшее число обуславливается большим радикализмом в отношении иноверия в странах с преобладающим большинством мусульман). Хотя единичные ответы, называющие неверными только христиан, также встречаются. Неуверенность в ответах местных верующих можно объяснить по преимуществу недостаточной образованностью в данной тематике, естественным убеждением, что любая вера, если она есть, лучше безверия (необходимо помнить, что большинство участников опроса со стороны местных мусульман – люди, жившие в СССР, в обстановке так называемого «духовного голода»), а, что не маловажно, и этическими соображениями.

Также 57,5% участников опроса дали и свой вариант ответа. Большинство таких ответов подтверждало один или несколько пунктов, предложенных ранее, и тогда их следовало приравнять к одному из вариантов ответа, но встречаются и интересные варианты. Так, один из участников, достаточно радикально настроенный, ответивший на большинство вопросов цитатами из Корана, добавил: «Тех, кто не соблюдает договор». На память приходит договор *sulh*, но возможно, участник имел в виду более широкий смысл. Кто-то честно отвечал, что не знает правильных ответов, кто-то, что вообще данным вопросом не интересуется. Запомнилось и искреннее признание молодого рабочего из татарской мусульманской общины Новогрудка: «Себя самого». Подобное чувство собственного религиозного смирения вызывает глубокое уважение.

После анализа вопросов, касающихся знания участниками опроса некоторых постулатов своей религии следует рассмотреть и степень образованность участников в отношении неисламских вероисповеданий.

В первую очередь это касается вопросов 7,8,9,15. По результатам исследования 71,4% опрошенных из местной мусульманской общины не имеют в своей библиотеке немусульманских религиозных книг, что странно, так как живут они в немусульманской среде. В отличие от местных мусульман большинство мусульман приезжих такие книги имеют (67,9% от их общего числа). Складывается впечатление, что верующие из стран Ближнего Востока лучше осведомлены в учениях неисламских религий, и в большинстве случаев изучают их религиозные книги для ведения полемических споров. Это стало хорошо заметно в ходе исследования, когда многие из участников, приезжие мусульмане имели с собой привезенные с Родины Евангелие или Библию на арабском языке, или, не имея их на руках, показывали знания текста Писаний. Безусловно,

общение с этими верующими было чрезвычайно интересно, особенно, если они были положительно настроены на диалог, что происходило в большинстве случаев. Подобные разделения объясняются, прежде всего, различием между психологией большинства и меньшинства в иноверной среде. Как уже упоминалось выше, верующие из стран Ближнего Востока, где все христианское население составляет не более 2 млн человек, настроены несравнимо более радикально по отношению к иноверию, чем верующие в немусульманских странах, где они занимают отчасти замкнутую позицию, опасаясь ассимилирования религиозных взглядов.

Тем самым определяются ответы верующих на 8 вопрос о том, насколько хорошо, по их мнению, они знают другие религии. Местные мусульмане в большинстве уверены, что знают достаточно, «чтобы правильно общаться с представителями других религий» (44,6% от их общего числа), но при этом, как мы уже имели возможность видеть, показывают зачастую полную неосведомленность в вопросах по крайней мере самого христианского вероучения. 26,8% белорусских мусульман более откровенно признаются, что совсем не знают другие религии и это сейчас не входит в круг их интересов. В отличие от них, приезжие с арабского Востока мусульмане признают, что знают немного, но хотели бы знать больше (41,0% от их общего числа), а 34,6% - что знают уже достаточно. Конечно, достаточно часто их знания носят поверхностный или искаженный характер, что было заметно во время проведения опроса, но, тем не менее, подобное утверждение приезжих мусульман более справедливо, учитывая также и то, что 15,4% из них целенаправленно занимаются изучением других религий в отличие от 3,6% местных мусульман.

Это же имеет свое отражение и в 9-ом вопросе. Четверть местных мусульман откровенно заявляет, что не интересуется никакими другими религиями, а 46,2% приезжих говорят, что интересуются христианством (ср. соответственно 21,4% у местных мусульман). 9% интересуются иными религиями кроме христианства. Например, 3 человека - буддизмом, 6,4% - иудаизмом, один иранец - зороастризмом. 12,8% не интересуются никакими другими религиями вообще.

Что же касается вопроса 15, то здесь процент не ответивших участников опроса весьма велик (48,5%), что объясняется сложностью вопроса для понимания. Большинство участников опроса (15,7% всех ответов) говорят, что, определяя свое отношение к другим религиям, основываются на учении Корана (здесь процентное отношение ответов приезжих и местных мусульман примерно одинаковое). 14,2% участников опроса говорят, что основываются, прежде всего, на принципах терпимости и взаимоуважения (этот вариант ответа преобладает у местных верующих). 14,1% приезжих верующих говорят, что основываются на личном опыте общения с иноверцами, в том числе не редки ответы о том, что основанием положительного отношения к другим религиям является личный опыт общения с христианами, кто-то признается, что положительно относится только к христианам. Однако есть основания предполагать, что данные высказывания несут ту же смысловую нагрузку, что и высказывания

местных мусульман, говоривших о принципах терпимости и взаимоуважения. Это достаточно обнадеживающие данные, означающие, что мусульмане в белорусском обществе, как местные, так и приезжие, ощущают себя достаточно свободно, что, однако, не снимает с общества обязанность всецело содействовать их защищенности от всяческих проявлений ксенофобии или других явлений того же рода. Хотя, некоторые из ответов на этот вопрос носят негативистский характер. Например, двое из участников заявили, что строят свои отношения к другим религиям на «их тупости», двое – «на их вероисповедании священнику, а не Богу», двое – на анализе (по ответу заметно, что анализ не принес положительных результатов), двое сказали, что положительно относятся только к Исламу и проч. Подобные ответы могут быть вызваны совершенно различными причинами, поэтому мы не можем судить о какой-либо общей негативной тенденции.

Таким образом, рассмотрев вторую и третью группу вопросов, мы можем отметить, что в ответах участников опроса можно наблюдать следующие особенности: ответы местных мусульман чаще, чем приезжих, носят характер неуверенности или затруднения, что можно объяснить во-первых, недостаточной осведомленностью в затрагиваемых вопросах, и на что влияет нехватка образовательной религиозной литературы, и в целом религиозно-образовательных центров, и, кроме того, возрастом и образованием большинства белорусских участников, а во-вторых, этическими соображениями. Необходимо отметить и влияние на религиозную жизнь постсоветского менталитета. Здесь речь идет о проявлениях оккультной среды в жизни верующих и о изменившихся восприятиях религиозного, например, восприятии сектантства. Кроме того, стало заметно, что, по всей видимости, местные мусульмане в большинстве случаев не совсем правильно понимают христианские конфессии Беларуси, так как бытовые, соседские, дружественные или родственные отношения между мусульманами и их соседями, также, по-видимому, не в достаточно большой степени религиозными, возможно, не затрагивают религиозных различий. Кроме того, в этом мы можем наблюдать отчасти неосознанную тенденцию к обособлению и некоторой закрытости (преимущественно из-за опасения ассимиляции религиозных взглядов), чем, возможно, вызвано и нежелание изучать соседствующую религию большинства, либо более жесткая констатация утверждений своей религии. Хотя, конечно, полная свобода религиозного мировоззрения от влияния среды проживания невозможна, что также стало заметно из анализа ответов. Это можно видеть и на приезжих мусульманах, чьи взгляды безусловно носят отпечаток сохраняющейся на Ближнем Востоке геополитической напряженности в отношении Израиля. Влияние психологии религиозного большинства безусловно сказывается и здесь, что проявляется и в некотором радикализме ответов в отношении иноверия. При этом, попав в инородную религиозно-культурную среду, большинство приезжих идентифицирует религию своего нового окружения с ее представителями, в отличие от исторически живущих здесь местных единоверцев.

Сказывается также и языковое различие: арабским языком владеет лишь очень незначительная часть местных верующих, что объясняется историческими и социальными причинами, и различие в восприятии приезжих белорусским населением: многочисленные родственные и дружественные связи объединяют местных мусульман-татар с их окружением в единую национальную совокупность, чего нельзя сказать о приезжих из стран Ближнего Востока, которые рассматриваются преобладающим большинством населения, включая и татарскую умму, как элемент внешний и, более того, нередко чужеродный.

Наконец, следует охарактеризовать вопросы, отражающие взгляды участников опроса на отношения с иными религиями и возможность диалога с ними. Это вопросы 13,19,20.

Что касается вопроса о том, «замечают ли участники опроса следы искажений текстов Священных книг христиан и иудеев в современном христианстве и иудаизме?» 38,8% отвечают утвердительно, причем процентное соотношение ответов местных и приезжих мусульман не намного различается. Однако во время проведения опроса складывалось впечатление, что некоторые из участников на вопросы 12 и 13 отвечали машинально, так как им было сложно их понять, или они не обладали достаточным знанием, что хорошо становится заметно на ответах местных верующих. 51,8% от их общего числа затруднились с ответом. Возможно также, что причиной затруднения стали этические соображения. Легко предположить, что именно они способствовали тому, что 30,8% приезжих мусульман говорят, что они не видят следов искажений в современном христианстве и иудаизме, хотя эта тема затрагивается в Коране.

Интересны также ответы верующих на вопрос о дальнейшем развитии отношений между исламом и тремя мировыми религиями, иудаизмом, и проч. 44,0% ответили, что в будущем отношения будут развиваться мирно, в дружбе и взаимном уважении (здесь несколько преобладают ответы местных верующих (48,2% в сравнении 41,0% приезжих)). 1,2% участников затрудняются с ответом. Интересно и то, что не один из местных мусульман не выразил предположения о грядущей войне, тогда как среди приезжих мусульман высказали 6,4%. В логическую цепочку увязывается и то, что трое местных мусульман говорят о возможном слиянии религий. Здесь также сказывается влияние среды проживания, что выражено и в пятом варианте ответа, который выбрало 7,5% участников опроса. Все они говорят о том, что в их странах отношения между религиями складываются хорошо (что, вероятно, дает право предполагать об их оптимистических настроениях). Особого внимания заслуживают три ответа приезжих мусульман, состоящие в том, что в будущем Ислам и Христианство должны объединиться в борьбе с Иудаизмом.

Большинство участников опроса (35,1%) считают, что Богу не нужно, чтобы все стали мусульманами, а 29,1% участников полагают обратное. Здесь интересно отметить разницу между ответами белорусских мусульман

и верующих из стран арабского Востока. 37,2% первых выбирают первый вариант ответа, тогда, как 37,5% последних полагают, что нужно. Интересно, чем вызвано это различие. Возможно вышеупомянутым влиянием психологии меньшинства, а, возможно, неосведомленностью в данном вопросе. Интересно то, что 5 человек логично замечают, что «Богу ничего не нужно», показывая тем самым определенную уверенность в вопросах веры. Еще 3 человека говорят о том, что Ему нужно, «чтобы все просто стали верующими», возможно, опираясь на соответствующие аяты Корана. Особенно запоминается один из ответов, говорящий сам за себя. Это ответ того из участников опроса, кто все свои ответы подкреплял соответствующими цитатами из Корана: «Любовь, Уважение и Понимание Ислама!».

Логически объяснимо, что на ответы на данные вопросы в наибольшей степени повлияла нынешняя среда проживания участников опроса: хорошо прослеживаются влияние личного опыта и этический фактор. Однако, есть некоторые основания предполагать, что именно из-за последнего ответы на вопрос 19 анкеты не полностью откровенны, так как приезжие верующие ощущают состояние своей зависимости, и это было заметно во время проведения исследования. Эта же причина могла повлиять и на ответ к вопросу 13. Здесь становится хорошо заметно, что местные Белорусские мусульмане ощущают свое положение вполне стабильным (что радостно осознавать!), так как их ответы на данные вопросы носят более радикальный характер (только один участник опроса отметил, что не замечает искажений в современном христианстве и иудаизме), хотя подобный результат может быть вызван и сложностью вопроса. Предполагаемые психологические различия при ответе на данный вопрос были уже описаны раньше.

Особняком стоит вопрос о возможности брака с иноверцами. Логично объяснить, почему 58,9% местных мусульман считают, что супруг должен исповедовать Ислам, безусловно, необходимым, а 43,6% приезжих мусульман считают это необязательным (сюда же можно отнести и тех, кто считает это желательным, но не безусловно необходимым (24,4%)). Скорее всего, такое разделение мнений основывается на том, что верующим, постоянно живущим среди иноверцев в своей собственной общине, легче найти супруга с такой же религиозной принадлежностью, чем тем, кто в одиночку или небольшими группами рассеян среди них. Положение обуславливается еще и тем, что по законам Шариата девушка-мусульманка не может выйти замуж за иноверца. «Мусульманка не имеет права быть женой немусульманина» /7. – С. 106/. А процент женщин, приезжающих из стран арабского Востока весьма мал. Иллюстрацией тому может служить то, что 57,6% женщин считают обязательным, чтобы супруг исповедовал Ислам, а 61,2% мужчин – желательным или не обязательным вообще. То, что 42,4% женщин не считают обязательным брак с единоверцем, показывает феминистическую трансформацию восприятия норм Шариата белорусскими мусульманками.

Кратко подводя итоги первой части исследования, можно отметить следующее:

1. Взгляды приезжих мусульман безусловно носят отпечаток влияния психологии религиозного большинства, что проявляется и в некотором радикализме ответов в отношении иноверия, а также сохраняющейся на Ближнем Востоке геополитической напряженности в отношении Израиля.
2. Попав в инородную религиозно-культурную среду, большинство приезжих идентифицирует религию своего нового окружения, т.е. христианство, с местным населением, в отличие от исторически проживающих на территории Беларуси татар.
3. Кроме того, приезжие мусульмане в большей степени настроены на полемику и лучше к ней подготовлены, вообще лучше религиозно образованы. Молодой возраст и первоначальная среда проживания в странах исламского Востока объясняют бóльшую религиозную ангажированность.
4. Однако степень религиозной ангажированности у многих падает в связи с оторванностью от привычной религиозной среды и необходимостью вживаться в новую. Встречается разрыв между нормами религии и собственным мировоззрением верующего, что может быть следствием требования строго обязательной и неотрефлексированной религиозности в исламских странах, тогда как в ответах местных мусульман явно прослеживается осознанно выбранная позиция веры.
5. Ответы местных мусульман чаще, чем приезжих, носят характер неуверенности или затруднения, т.к. их религиозные познания в области собственной веры не так велики, как у приезжих, но то, во что они верят, носит более прочный характер, чем у приезжих.
6. Это можно объяснить, во-первых, недостаточной осведомленностью в затрагиваемых вопросах. Сказывается нехватка образовательной религиозной литературы, и в целом религиозно-образовательных центров, и, кроме того, большой возраст и меньшее образование большинства белорусских участников.
7. Во-вторых, это можно объяснить этическими соображениями. При этом мы можем наблюдать отчасти неосознанную тенденцию к обособлению и некоторой закрытости (преимущественно из-за опасения ассимиляции религиозных взглядов), чем, возможно, вызвано и нежелание изучать соседствующую религию большинства – христианство, либо более жесткая констатация утверждений своей религии.
8. Налицо проявления своего рода исламского интернационализма: религиозная идентичность превалирует над культурной и национальной, что опровергает выводы предыдущих исследований ислама на Беларуси

(ср. напр. Земляков Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. - Мн., 2001, С.70-71).

9. Полная свобода религиозного мировоззрения от влияния среды проживания невозможна, что также стало заметно из анализа ответов. Например, среди местных верующих мусульман можно наблюдать определенную трансформацию отношения к нормам шариата и восприятия неисламских вероисповеданий, феминистическую трансформацию восприятия норм шариата белорусскими мусульманками.

10. Необходимо отметить влияние на религиозную жизнь советского периода и, соответственно, постсоветского менталитета. Здесь речь идет о проявлениях оккультной среды в жизни верующих и об изменившихся восприятиях религии, а так же атеизма и сектантства.

11. Сказывается также и языковое различие: арабским языком владеет лишь очень незначительная часть местных верующих, что объясняется историческими и социальными причинами.

ГЛАВА II. ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МУСУЛЬМАНАМИ НЕИСЛАМСКИХ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Ислам предполагает свое, оригинальное понимание религии и истории религии. Мусульмане считают, что есть одна предвечная религия, пребывающая с момента возникновения человечества и свойственная самой природе человека. "Ведь Ислам – религия, с которой рождается человек... Любое вероучение, кроме Ислама, не соответствует человеческой природе" /3. – С. 54/. Например, выражая свое отношение к представителям современного иудаизма и христианства, профессор Хайдар Баш открыто заявляет: "Таким образом, они очень ловко пытаются перенести основную характеристику своей религии (ограниченность во времени, пространстве и т.д. на извечный (азали) и вечный (абади) Ислам" /12. – С. 223/. Итак, эта предвечная религия открывается периодически через пророков, посланных Богом. " Нет никакого народа, в котором не прошел бы увещатель!" /11. – С. 16/. В подтверждение этому мы можем отыскать подобный, устоявшийся ход мысли не только в мусульманской религиозной литературе, но и в мусульманской поэзии: "Совсем недолго, только миг один, чтобы на крыльях ветра отдохнуть, - минует он, и снова, как когда-то, другая женщина родит меня" /13. – С. 111/. Таким образом в единую систему становятся и основные иудео-христианские персоналии, названные в Библии: от Адама до Господа Иисуса Христа. "Мы дали откровение тебе, как давали откровение Ною и после него бывшим пророкам: Мы давали откровения Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и коленам, Иисусу, Иову, Ионе, Аарону, Соломону: Давиду дали Мы Псалтирь. О некоторых посланниках Мы тебе уже рассказали, а о

некоторых посланниках Мы тебе не рассказывали" /4:161,162/1. Или: "Скажите: мы веруем в Бога и в то, что свыше ниспослано нам, в то, что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и коленам израильским; в то, что было дано Моисею и Иисусу, что было даровано пророкам от Господа их; не делаем различия между всеми ими, и Ему покорны мы" /2:130/. Тогда различия между религиями обусловлены искажениями, привнесенными людьми в идентичные в своей основе учения единобожия. "Источником истинной веры является один – это Бог. Значит, нет противоречия между этими религиями, у которых источником веры является Бог. Но когда возникает противоречие, то надо искать его причины. Если источник веры один у этих религий, то может быть, произошло искажение во время передачи миссии людям. Но не через посланника, а через тех, которые были после них, что привело к возникновению противоречия" /10. – С. 4/. "За то, что они нарушили завещанное им, Мы прокляли их и сделали сердца их жесткими. Они переставляют эти слова из своих мест и забыли часть того, чему они были научены. Ты непрестанно встречаешься с вероломством их, за исключением немногих из них. Прости им, будь невзыскателен. Истинно, Бог любит тех, которые хорошо обходятся с другими." /5:16/. Здесь имеет место одно из основополагающих понятий в исламском видении других религий – понятие "искажения" Священных текстов – tahrif, tabdil, taghyir. Tahrif – "искажение документа, из-за чего оригинальный смысл его изменяется. Это может происходить по-разному, через прямое изменение написанных текстов, через произвольные изменения при чтении вслух текста, который сам по себе верен, через упущение частей из него или через интерполяции, или через неверное изложение истинного смысла. Неясная манера, в которой Мухаммад в Коране говорит о фальсификации писаний "обладателями писания", завершилась в Мухаммадовых ученых, которые постепенно все больше знакомились с Ветхим и Новым Заветами, и которым нравится иметь дело в своих полемических работах с названием tahrif, tabdil и taghyir /38. – С. 561/. Мы вновь вернемся к рассмотрению этого понятия далее. Итак, подобный описанному подход может быть назван "богословским" видением религии с элементами "исламского богословия религий" по замечанию Ж.Ж. Варденбурга /18. – С. 306/. Итак, для мусульманина есть один единый Бог, при этом каждый человек должен знать о Нём, исполняя Его волю. Есть одно Откровение, которое единственно верно, и содержится оно в неповрежденном виде только в Коране, причем никакого иного Откровения уже естественным образом не требуется и, в принципе, быть не может, потому что Мухаммед – последний и величайший из пророков. В исламе Мухаммед называется «печать пророков» (хатаму-н-набийин), т.е. главный и последний пророк истинной веры» /23. – С.84/ "Что касается нашего Пророка (С. а. в.), то он последний пророк и послан для всего человечества" /12. – С.223/. "Он (Мухаммед) был последним пророком, посланным всему человечеству с последней небесной миссией, т.е. с исламом" /10. – С.5/. "Мохаммед не есть отец кого либо из вас; но он только посланник Бога и печать пророков" /33:40/. Итак, есть единственная религия, изначальный и вечный Ислам, который по своей сути непоколебимо противостоит любой форме идолопоклонства. Именно такое видение религиозной истории

человечества лежит в основе суждений мусульман касательно иных, неисламских религий.

Однако, "при чтении традиционных описаний других религий первой возникает мысль: "Но ведь вовсе не то, во что действительно верили или верят эти люди. Ведь здесь не принимается во внимание, что действительно означали или означают для них эти учения и практики!" /18. – С. 336/. И действительно, мы не можем с уверенностью сказать, имели ли исторические мусульмане какое-либо адекватное представление о вере буддистов, индуистов, иудеев или христиан, поскольку, все то, что они видели, носило отпечаток их культурной и религиозной среды, в которой формировалась исламская призма восприятия Иного. Основы представления о неисламских религиях, их образы и, главное, позиция их восприятия с самого возникновения ислама черпались и поныне черпаются из Корана. По утверждению Ж.Ж. Варденбурга, "для мусульманина утверждения Корана превосходят все стальные источники знания" /18. – С. 332/. Большинство европейских исследователей говорят о том же. "Для мусульманина ислам представляется идеальной религией: он – вершина и совершенство Божественного Откровения" /27. – С. 175/. "Аллах и Коран как откровение Аллаха полностью тождественны, и по сему мусульманину должно подчиняться Корану" /31. – С. 112/. И действительно: "Всевышний возвестил о неспособности и бессилии всех людей и джиннов создать такой же Коран, даже если они придут друг другу на помощь: "Скажи: действительно, если люди и гении соберутся для того, чтобы произвести что нибудь подобное сему Корану, то не произведут ничего подобного ему, хотя бы они одни другим были помощниками" /17:90/. Если бы Коран не был Божественной речью, то красноречивые курайшиты смогли бы создать такой же, но это слова Всевышнего" /3. – С.14/. Можно суммировать представления мусульман о Коране, в сопоставлении также и с прочими «Писаниями»:

1. В данных сурах подтверждается истинность предшествующего Корану Писания: 5:48,50,52; 10:38; 46:11;
2. Здесь говорится о том, что Коран не уступает предшествующему Писанию: 2:130-131;
3. Наконец, говорится о превосходстве Корана над предшествующим Писанием: 5:18.

В 10-ой суре прямо говорится о том, что слова Корана – от Бога, а не от Мухаммеда /10:38/. "В следующих сурах Мухаммед говорит от имени Бога, требуя повиновения: 57:7,14(15); 8:1; 8:13; 8:20; 8:48(46); 9:29; причем в случае повиновения Аллаху и Мухаммеду обещается награда, а в обратном случае – кара /26. – С. 240/. Итак, подводя краткий итог, мы можем сказать, что относительно Корана Мухаммедом выражены следующие положения:

- Коран ниспослан от Бога – "Господа миров";

- Коран подтверждает все откровения, бывшие до него;
- Коран дан для охранения ниспосланных ранее откровений;
- Коран ниспослан в изъяснении предшествовавшего Писания;
- Коран превосходит предшествующее Писание;
- Писания, ниспосланные прежде, искажены их обладателями;
- Коран предостерегает неправедных;
- Коран содержит радостную весть для добродетельных;
- В Коране – конечное изложение Божественной воли и единственный спасительный путь;
- От людей требуется повиновение Всевышнему и Его посланнику.

Таким образом, "... все упреки и заявления иудеев и христиан о том, что Коран по сравнению с Библией не оригинален, становятся беспредметными и теряют смысл, поскольку главное и единственное, на что претендует Коран, – это не оригинальность, а подлинность Божественного послания" /16. – С. 50/. Профессор Ахмад Фарид Мустафа заявляет: "Насколько мне известно, не существует другой подлинной Священной Книги помимо Корана" /4. – С. 13/. Эта фраза выражает убежденность мусульман в непоколебимом сакральном авторитете своей Священной Книги.

В нашем исследовании необходимо ясно отметить, что именно Кораническая позиция по отношению к неисламским религиям лежит в основе норм калама и фикха, и, следовательно, определяет нормы отношений с их представителями. В техническом словаре калама используются базовые богословские понятия ислама в отношении немусульман, это, по преимуществу, Коранические термины, поэтому важно уяснить, какие вариации существуют в их интерпретации. Важно то, что "...все они призваны воспринять, оценить и квалифицировать чуждые мусульманскому мировосприятию реалии других религий. По своей сути эти понятия отражают основополагающее убеждение мусульман в том, что остальные религии являются отклонениями от единой первоначальной религии..." /18. – С. 333/.

Основными такими понятиями можно считать понятия HANĪF и KĀFĪR. Термин hanīf "появлялся неоднократно в Коране как обозначение тех, кто обладает настоящей и истинной религией; например, в Суре 10:104; 22:23; 40:29 etc. Особенно этот термин употребляется в отношении

Авраама как представителя чистого служения Богу. Как правило, термин отделяет его от идолопоклонников в 3:89; 6:79,162; 10:104; 16:120,123; но в одном или двух пассажах термин одновременно описывает его как того, кто не был ни Иудеем, ни Христианином; например 3:60... Позднее Исламское применение слова зависит от лингвистического употребления его в Коране. Hanīfiya (очень редко Hanafiya) означает религию Авраама... Но так как Мухаммад возрождает чистую религию Авраама, то hanīf часто используется в смысле м у с у л ь м а н и н... где hanīf присуще самой религии в смысле "чистый ортодокс" /38. – С. 132/.

Что же касается термина KĀFIR, (от араб. корня «kufir»)то "в Коране слово используется в соотнесении с Богом: "скрывающие Божьи благословения" = "неблагодарные Богу", см. Сура 15:55-58 и 30:33...Дальнейшее развитие термина – возможно под влиянием Сирийского и Арамейского, где соответствующее употребление имело место ранее – это более общее значение "неверный", что впервые устанавливается в Суре 74:10 и в последующих... В раннем Мекканском периоде по отношению к неверным рекомендуется выжидательное отношение (Сура 86:17; 73:10...), но позднее мусульманам было приказано держаться в стороне от них (Сура 3:114-116), защищать себя от их нападений и даже предпринимать наступление на них (Сура 2:186-191) и в других местах. В большинстве мест говорится об отношении ко всем неверным в целом, о том, что им грозит наказание Божье и Ад)" /38. – С. 205/. И действительно, у мусульманских авторов встречаем: "христианство первоначально было небесной религией божественного единства, но затем христиане превратили её в поклонение человеческим существам, таким как Иисус и его мать" /28. – С.354-5/. "Верующие должны быть очень суровыми по отношению друг к другу. Суровое отношение мусульман к неверию (куфр) обуславливается тем, что отрицание (куфр) Аллаха является самой большой несправедливостью и тем, что неверие (куфр) стремится погасить свет Ислама" /4. – С. 120/. Важно то, что основная черта kāfir это намеренное или неосознательное совершение shirk либо ishrāk, то есть «служение кому-то другому кроме Бога, политеизм» /38. – С. 542/, а тот, кто совершает shirk является mushrikun (многобожником). "В старейших сурах Корана, на протяжении так называемого Мекканского периода, концепции shirk и mushrikun не встречаются. В поздних частях Корана они упоминаются часто, иногда встречаются регулярные диспуты с mushrikun; в частности, им постоянно угрожают Последним Судом; тогда mushrikun получают их наказание... Они полагают, что их идолы станут ходатайствовать за них перед Аллахом, но они не могут делать этого (Сура 28:62-64)... В девятом году, однако, Мухаммед наконец отвечает mushrikun (Сура 9:3, ср., однако, более ранняя Сура 15:92-96); mushrikun нечисты... Мухаммед уже выразительно объявил прежде shirk грехом, за который Бог не прощает (Сура 6:45; 30:12)... очень похоже на понятие kāfir...» /38. – С. 542/. «Самый тяжелый грех в исламе – признание других богов, кроме Аллаха – Бога Единого. Разные направления в исламе считают ширком поклонение могилам, веру в предрассудки, клятвы именем Мухаммада и других духовных лидеров, а также корыстное обращение к Богу. Сунниты объявили многобожием почитание Али, присущее шиитам» /20. – С. 126-

127/. Это деление (верный/неверный, многобожник) – основополагающее в исламе и в сознании верующих, и, можно сказать, что мусульманское восприятие Иного часто имеет черно-белую гамму окраски, без промежуточных компромиссов. В мусульманском конституционном праве мир разделяется на "территорию ислама" и "территорию войны". "Жилище Ислама" – это то, которое уже находится под Мусульманским управлением. "Жилище Войны" – это то, которое находится под мусульманским управлением, но которое, актуально или потенциально, является местом войны для Мусульман до тех пор, пока не будет обращено посредством завоевания в "Жилище Ислама"... Таким образом, обратить dar al-harb в dar al-islam – есть цель dじihad, и, теоретически, Мусульманское государство пребывает в постоянном состоянии войны с немусульманским миром" /38. – С. 68-69/. Кроме этого, некоторые ученые говорят о существовании так называемой "территории договора". "Кроме dar al-harb и dar al-islam некоторые школы канонического права признают существование третьего подразделения, dar al-sulh или al-ḩahd, которые не находятся под Мусульманским управлением, тем не менее платят дань – sulh, по соглашению, что обычно противопоставляется в каноническом праве ḩanwat – "по принуждению" /38. – С. 69/. Здесь вступает в силу понятие dhimma, а ведь именно с ahl al-dhimma, и преимущественно с ним, мог быть заключен мирный договор sulh. "Соответственно Мусульманскому каноническому праву по завоевании немусульманской страны мусульманами, населению, которое не принимает Ислам и которое не порабощено, гарантируется жизнь, свобода и, в модифицированном смысле, имущество. Поэтому оно называется alh al-dhimma, "Люди завета или обязательства", или просто al-dhimma или dhimmis, dhimma включает в себя временные права, полученные от Мусульман и обязанности по отношению к Мусульманам... Но такая dhimma, строго, открыта только "Народу Писания"(ahl al-kitāb), то есть Иудеям, Христианам и Сабиям[1], под которыми понимают Зороастрийцев... Каждый взрослый, свободный, здоровый мужчина должен платить дополнительный налог (djizya) в количестве, которое зафиксировано в соглашении. /38. – С. 75/. "Люди Книги" – Мухаммед называет так Иудеев и Христиан, в отличие от язычников, по причине обладания ими божественными книгами откровения (Tawrat = Тора; Zabur = Псалтирь; Indjil = Евангелие), которое, правда, они передают в искаженной форме, но принятие которого дает им привилегированную позицию по сравнению с последователями других религий" /38. – С. 16/.

Однако необходимо заметить, что "в Суре 98:5 говорится "неверующие из знающих Писание и из многобожников будут в огне геенны, оставаясь в нем вечно. Они – самые худшие из тварей". Комментаторы этого отрывка разделяются во мнениях. Некоторые придерживаются мнения, что люди книги должны быть включены в число mushrikun... " /38. – С. 542/. Об этом же говорит и Ж.Ж. Варденбург: "Тем не менее они кафиры, и в суждениях об иудеях и христианах это никогда не отрицалось" /18. – С. 335/. В Краткой Исламской Энциклопедии находим: «Kāfir – более общий термин, и включает как mushrikun, так и «людей книги» /38. – С. 542/. Таким образом, если в социальных и даже политических отношениях "люди

писания" действительно пользуются особым расположением мусульманских властей, расположением, обоснованным коранически в каламе и фикхе, то в мусульманском сознании "люди Книги" не перестают при этом быть неверными: "Последний из посланников Мухаммед (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: "Каждый ребенок рождается по своей природе мусульманином, а его родители делают из него иудея, христианина или мага". В этом подтвержденном хадисе нам сообщают, что каждый человек склонен к принятию Ислама. При возможности выбора он, без сомнения, избирает Ислам. Но под влиянием родителей он может принять другую религию, из-за чего становится неверным" /3. – С. 61/. И так, мир делится на "верных" и "неверных", в числе которых выделяется группа "людей писания". Однако возникают предположения по поводу индуизма и буддизма, в частности у Ж.Ж. Варденбурга находим: "Последнее исследование со всей очевидностью показали, что лишь немногие мусульманские авторы эпохи средневековья знали что-либо о буддийских доктринах, да и эти познания были беспорядочны и фрагментарны. Буддизм оставался вне поля зрения ислама, поскольку прямые контакты между этими религиями были весьма немногочисленны... Ибн ан-Надим называет Бодхисатву (Budhasf) пророком суманийя – это слово происходит от санскритского слова шрамана, означающего "буддийские монахи"... буддизм (как суманийя) [считался] – древней идолопоклоннической религией "восточного" народа... Мусульманские авторы эпохи средневековья сообщают об основных учениях суманийя: поклонение идолам, вере в вечность мира, особой космологии, ... и доктрине переселения душ... суманийя – это скептики, отрицающие ценность рассудочной деятельности (nazar) и логических умозаключений (istidalal)" /18. – С. 312-313/.

"... Правовые школы ханафитов и маликитов были склонны включать индуистов в категорию ahl al-dhimma. Даже если они продолжали поклоняться своим богам бок о бок с монотеистами-мусульманами, они все равно могли пользоваться покровительством последних при условии уплаты джизья. Другими словами, их не считали mushrikun в строгом смысле этого слова и с ними не поступали так, как того требовал шариат в отношении этой категории людей: обращение, изгнание или смерть... Если суманийя описываются в Коране как отвергающие разум или агностики (mu'attila), брахманы (barahima) представлены как признающие разум и верящие в единого Бога (muwahhida), но отрицающие пророчество". /18. – С. 316/.

"При описании индуизма освящались прежде всего такие вопросы как учение о переселении душ., поклонение идолам., кастовая система, а также некоторые специфические доктрины и культовые практики, поражавшие воображение мусульман, – такие, как крайний аскетизм, сожжение вдов и рабов. Однако, лишь в немногих случаях мы можем говорить о суждении об индийской религии, основанном на реальном ее изучении" /18. – С. 314/. Здесь также будут показательны ответы на вопрос анкеты о том, кого участники считают «неверным».

В современной мусульманской литературе можно найти множество подтверждений этому. "Внутри человеческой семьи евреи и христиане, разделяющие с мусульманами многие убеждения и ценности, образуют сообщество, называемое исламом Ахль аль-Китаб, то есть народ писания, и поэтому у мусульман особое отношение к своим "собратям по Писанию" /15. – С. 215/. Алексей Журавский подробно излагает позицию иноверца в мусульманском обществе: "В пределах "дар ал-ислам" классический ислам, не проводя в принципе национальных различий, признает три статуса существования человека: в качестве "правоверного", в качестве "покровительствуемого" ("ахл аз-зимма")¹ и в качестве "многобожника", который должен быть или обращен в ислам, или истреблен. "Покровительствуемые" – это "ахл ал-Китаб" ("люди книги", "держатели Писания"), то есть иудеи и христиане, которым, как и мусульманам, было ниспослано откровение и которые веруют в Бога, пророчества и Судный день" /21. – С. 82/. Однако нужно еще раз заметить, что "когда мусульманские богословы и правоведы говорят об "иудеях" и "христианах" они имеют в виду прежде всего..., что подразумевают коранические представления об иудаизме и христианстве" /18. – С. 336/. Итак "с мусульманской точки зрения ни иудаизм, ни христианство не является ложными религиями. Они изначально основывались на истинном откровении, но на смену им пришло окончательно современное открытие, явленное Мухаммеду в Коране" /25. – С. 287/. "Поистине, Он свыше ниспослал тебе это писание в подтверждение того, что ему предшествовало: прежде ниспослал Он Закон и Евангелие в руководство людям, а ныне этот Форкан²" /3:2/. Поэтому в Коране встречаются аяты, призывающие к дружественным отношениям с "людьми Книги". " Но они не все одинаковы: из читающих Писание есть люди стойкие: они читают знамения Бога во времена ночи и поклоняются Ему. Они веруют в Бога и в последний день; повелевают доброе, запрещают худое, и один перед другим ревностны в благодеяниях. Они в числе добродетельных." /3:109-110/.

Однако важно понять, что, тем не менее, в строго богословском определении они – кафиры: в отношении иудеев и христиан это норма, которая не отрицается. Мнение о Ветхом и Новом Завете состоит в том, что он является в первоначальном, подлинном варианте истинным Откровением Бога, а Тора и Евангелия – "книгами священного закона" для мусульман, однако были искажены, чему доказательством служат ненаучные, антропоморфические места etc. "В 1878 г. Гольдциер описал общую историческую структуру мусульманской политики против ahl al-kitāb в целом и иудаизма в частности. Древнейшим документом, свидетельствующим о такой полемике, он считает Коран, где очерчены три основные полемические темы: обвинение в том, что ahl al-kitāb изменили и исказили собственные Писания (tahrif – 2:73; tabdil – 4:48, 5:16, 45; taghyir – 3:72), опровержение некоторых их учений и отрицание части их ритуалов и обычаев. Для того чтобы доказать искажение неких гипотетически совершенных текстов, ... могли использоваться различные аргументы. Одним из них было обвинение в tadjsim, или "антропоморфизме", в самом широком смысле слова: различные отрывки, в

унизительном и недостойном свете повествующие о патриархах, пророках и вождях... В тексте имелись также очевидные противоречия. Были и "ошибки", например замена имени Исмаил на имя Исаак в рассказе о сыне, которого должен был принести в жертву Авраам. Более того, некоторые тексты, которые должны были быть в Писании, в нем отсутствовали, и при этом предполагалось, что они были изъяты из Ветхого Завета; эти тексты включали учения о воскресении в конце времен и последующем воздании и наказании, а также подтверждали существование и признание пророков вне Израиля. Пророчества тех ветхозаветных пророков, которые не упоминались в Коране, признавались излишними" /18. – С. 320/. Коран и Хадисы дают и ряд других отрицательных суждений в адрес иудеев, христиан и их Писаний. "Читающие Писание! Для чего облакаете истину в ложь, - скрываете истину, когда ее знаете?" /3:64/. "Никогда не обращайтесь к ним (людям Писания) ни по какому (религиозному) вопросу, потому что, однажды спросив их, они ответят вам правду, а вы подумаете, что это ложь. В другой раз они сообщат вам ложь, а вы её подтвердите" /12. – С. 217/. Сегодня исламские полемисты на многообразно доказывают высокую степень искажения Библии, оспаривая достоверность, логичность и подлинность её. Так доктор Морис Бюкай, критик христианства и иудаизма, говорит: "Неизбежным результатом множественности источников являются противоречия и несуразность в текстах... Каждый из авторов повествований освещал события так, как они ему виделись, а поэтому достоверность фактов во многих случаях оказалась сомнительной" /5. – С. 348/. Ту же позицию находим у Сюзанны Ханиф: "Священный Коран – единственное ниспосланное Богом писание в истории человечества, которое было сохранено до настоящего времени в своей точной первоначальной форме. Ведь несмотря на то, что имеются части более ранних откровений – те части Торы (Таурат), которые были даны Моисею, Псалмы (Забур), ниспосланные Давиду, и Евангелие (Инджил), данное Иисусу, они настолько отягощены добавлениями и изменениями, привнесенными в них людьми, что очень трудно определить, какая из них частей представляет собой первоначальное Послание, не говоря уже о том, чтобы использовать их в качестве руководящих начал на жизненном пути" /15. – С. 32/. Из исследования можно видеть, что позиция, описанная выше, является преобладающей в мусульманском обществе, меняются лишь эмоциональные окраски, в зависимости от геополитической и социальной среды. "Статус держателей писания в основных чертах был определен уже Кораном (9:29). Таким образом, за иудеями и христианами признавалось право на существование в качестве иносрелигиозных общин при условии уплаты или наряду с обязательной для всех подданных поземельной податью харадж специального подушного налога джизья и признании своего подчиненного по отношению к мусульманам социального статуса. Последний регулировался комплексом положений, разработанных мусульманскими правоведами в VIII-XII вв. Таким образом, христиане и иудеи обосновались в отдельные общины, которые занимали по отношению к мусульманской строго подчиненное положение" /21. – С. 83/. "Ислам позволяет мусульманам есть пищу христиан и евреев.., и мужчинам-мусульманам разрешено жениться на женщинах, исповедующих эти религии" /15. – С. 216/. "Она может выйти замуж за христианина,

иудея или неверного только в том случае, если он искренне примет Ислам" /10. – С. 43/. И так, немусульмане, которым разрешено было постоянно проживать под властью мусульман, назывались зиммиями, то есть членом общины, которой мусульманские власти даровали договор. В целом большинство исследований склоняется к тому, что зиммии "пользовались широкой автономией под водительством своих религиозных лидеров... они жили по собственным, а не по мусульманским законам..." /25. – С. 81/, о чем постоянно свидетельствуют и мусульманские писатели. "Никто не трогал и не трогает их церкви и синагоги, монастыри и скиты, однако, будь свобода вероисповедания противна природе Ислама, все эти религиозные меньшинства были бы просто напросто сметены с лица земли за прошедшие 14 столетий" /4. – С. 37/. И все же, не углубляясь в недра исторических отношений христиано-иудейских меньшинств с мусульманскими властями, с уверенностью можно сказать, что зиммию, однако же, строжайшее воспрещено пытаться обратить мусульманина в свою веру, если же ему это по несчастью удастся, наказанием за отступничество служит смерть. С мусульманской точки зрения такое несоответствие логично и справедливо /25. – С. 90/. Тенденция к преследованиям в отношении вероотступников и тех, кто обратил их в свою веру, широко распространена на Арабском Востоке и в наши дни, в чем автор исследования имел возможность опосредованно убедиться сам.

Если по отношению к многобожникам (*mushrikun*) позиция ислама ясна, то наибольшую полемику ислам развил именно с привилегированной группой неверных (*kuffar* – мн. ч. от *kāfir*) – с *ahl al-kitāb*, а именно – с иудеями и христианами, так как сабеизм уже с первых веков распространения ислама постепенно перестал представлять собой серьезного оппонента ему, и достаточно быстро растворился в монотеистическом мусульмано-христианском пространстве. Ж.Ж. Варденбург говорит о развитии мусульмано-иудейской полемики: "Хотя на раннем мединском этапе истории и шла яростная борьба между мусульманами и иудеями, о которой свидетельствует Коран, классический ислам обращал свою полемику преимущественно против христианства... Поэтому количество полемических трактатов, направленных исключительно против иудаизма, сравнительно невелико и относится к более позднему периоду. Хотя критические выпады и полемические высказывания встречаются после Корана уже в хадисах, достоверная информация об иудаизме как религии и образе жизни стала доступна лишь позднее через евреев, принявших ислам" /18. – С. 317-318/. Также Ж.Ж. Варденбург говорит о том, что "основной аргумент, выдвигавшийся именно против иудаизма, был связан с мусульманской доктриной *naskh* (аннулирования), согласно которой Откровение, ниспосланное позднее, отменяет более раннее. Это подразумевало, что Бог может проявить Свою волю в разное время различными путями и что возможна цепь следующих друг за другом откровений. Вместе с тем иудеи полагали, что Бог не меняет Свою волю и Своё обетование, ...отвергали *naskh*, ...не признавали Коран" /18. – С. 319/. У профессора Хайдара Баша находим: "С ниспосланием благородного Корана автоматически отменяются

положения других книг" /12. – С. 221/. В Коране есть множество аятов, связанных с вопросом насха, которому отводится большое внимание в науке о методе толкования: "Когда Мы отменяем какое-либо знамение¹, или повелеваем забыть его: тогда даем мы другое, лучшее того, или равное ему. Не знаешь ли, что Бог всемогущ?" /2:100/. И более жёстко: "Существует утверждение об отсутствии такого понятия, как насх. Это утверждение всецело исходит от христианских и иудейских миссионеров. Их цель – подготовить почву для идеи о том, что Коран не отменяет положения Таурата и Инджиля, этими положениями можно руководствоваться, и, таким образом, иудеи и христиане, не принимая Ислам, имеют возможность обрести спасение /12. – С. 219/. Кроме того, мусульманские богословы говорили о том, "... что Талмуд делает жизнь таким тяжким бременем, которое невозможно вынести, ... о фундаментальных и различиях между раббинитами и караимами в иудаизме, чтобы показать его слабость. Сам факт рассеяния и сложившегося униженного положения (dhull) евреев мог использоваться для доказательства истинности ислама, которому Бог даровал победы на земле... Некоторые авторы выдвигали и другие аргументы, например касающиеся иудейских ритуалов и обычаев" /18. – С. 322/. "Своим пророкам они называли Моисея, себя они величали последователями Торы. Но в действительности их убеждения и поступки по большей части противоречат доктринам Моисея и Торы. Это отклонение ничуть их не смущало. Вместо того, чтобы привести свои мысли и поступки в соответствие с представлениями Торы, они извращали смысл священного писания, подгоняли его под собственный смысл постулатов Торы, заменяя их своими идеями, выдавая их за подлинные. Тех, кто замечал эти искажения и призывал следовать слову Божьему, оскорбляли, поносили, объявляли лжецами, а иногда даже убивали" /9. – С. 128/. "Некогда Мы вступили в завет с сынами Израилевыми и посылали к ним посланников: каждый раз как посланник приносил к ним что либо нежелаемое ими, они некоторых считали лжецами, некоторых убивали" /5:74/. И, конечно, основной упрек к «сынам Израиля» – упрек в искажении их Священных Книг. "Библейские истории о ненадежности, неверии и переменчивости сынов Израиля некоторые авторы могли использовать не только для того, чтобы доказать, что евреи не были богоизбранным народом и детьми Божьими, но и чтобы придать правдоподобие утверждению, что они были не способны передать текст tawrat, данный Моисеем, в его первоначальной форме. В частности, мусульманские полемисты считали ответственным за внесение недопустимых инноваций Ездру" /18. – С. 322/. "Толкователи Таурата говорят о том, что переписчик Таурата Азра добавил кое-что от себя, а также о том, что некоторые люди позже добавили в Таурат то, что не было принесено Мусой" /12. – С. 215/. Доктор Морис Бюкай доказывает в своей книге "Библия, Коран и наука" несостоятельность иудео-христианского Священного Писания. "Ветхий Завет представляет собой огромное количество литературных трудов, писавшихся на протяжении примерно девятисот лет. Это своеобразная "мозаика" текстов, различные цвета которой не гармонируют между собой и отдельные места которой изменялись человеческой рукой в течение ряда веков" /5. – С. 347-8/. О том же многократно заявляют прочие учёные. "Та же истина, то есть то,

что Таурат был изменен путем изменения свойств Посланника Аллаха, стала причиной ниспослания 79-го аята суры Баккара: "Горе тем, кто пишут Писание своими руками, а потом говорят: "Это от Аллаха", – чтобы продать его за ничтожную цену. Горе же им за то, что написали их руки, и горе им за то, что они приобретают от этого" /12. – С. 215/. "Тафсир Насафи указывает на то, что сыны Ибраила подкупали своих учёных с тем, чтобы они облегчали для них некоторые положения Таурата, а некоторые положения изменили. Правители также наделяли учёных имуществом для того, чтобы они таким же образом скрыли и изменили некоторые положения Таурата. Со своей стороны, иудейские учёные, боясь, что народ уверует в Мухаммеда и они лишатся после этого материальных возможностей, которыми они обладали, продолжали искажать Таурат" /12. – С. 213/. "У евреев это Писание – Таурат однако под ним не следует понимать Тору (первые пять книг Ветхого Завета) в её нынешнем виде... будучи изначально основаны на Божественном Послании, они, по сути, написаны людьми, так как содержат в себе бесчисленные явные непоследовательности, противоречия и фактические неточности, равно как и многие другие моменты, не отвечающие критериям ниспосланного Богом Писания" /15. – С. 216/. Причем последняя из авторов, Сюзанн Ханиф, "вскрывая" несостоятельность Ветхозаветной истории Сотворения противоречит сама себе, чем показывает некомпетентность и незнание критикуемого ею текста из Ветхого Завета. Эта же автор утверждает, что "эти книги представляют собой прежде всего религиозную, политическую и социальную историю Сынов Израиля, а не Писание" /15. – С. 216-17/. И в этом заключается важное соображение: складывается впечатление, что к иудеям мусульмане имеют гораздо больше претензий политического и национального характера, нежели вероучительного, о чем свидетельствуют и сами мусульмане. "Многие суждения, в частности, бескомпромиссное утверждение Единственности Бога и Его учения, являются общими для Иудаизма и Ислама" /15. – С. 217/. "Прежде него Писание Моисея было вождем и милостью; и это, на языке арабском, есть писание правдивое, для того, чтобы обличать злодетельных и быть благовестием для добродетельных" /46:11/. Поэтому "предмет спора, таким образом, никоим образом не связан с религиозными противоречиями, ибо таковых нет вообще, а скорее является вопросом из сферы нравственности, чести и достоинства, где на карту поставлены правда, справедливость и свобода от угнетения" /15 – С. 218/. Потому что, само собой разумеется, в арабо-израильском конфликте мусульманская сторона ощущает себя угнетенной и ущемленной в своих правах. Важно заметить, что отправным пунктом в противоречиях служит идея богоизбранности арабов, почерпнутая ими из иудаизма. Эту мысль прекрасно развивает в своей книге "Израиль и царство ислама" Эрнст Шрупп, говоря: "Арабизация истории Авраама (Ибрагима) имеет поэтому непреходящее значение для исламского сознания арабов: Мухаммед возвел основу исламско-монотеистической веры к арабам" /31. – С. 67/. "Само древнееврейское ветхозаветное Писание говорит о том, что Измаил был прародителем отдельного народа. Это и есть арабский народ. Это место в Библии трактуется Мухаммедом в особом арабском смысле, который он противопоставляет еврейскому (ветхозаветному) злоумышленному искажению истории" /31. – С. 65/.

И, наконец, что касается полемики с христианством, то здесь она имеет другие основы. По свидетельству Ж.Ж. Варденбурга "ислам имеет обширную антихристианскую литературу, многие тексты которой до сих пор не изданы. После достаточно благожелательных суждений, приведенных в ранних сурах Корана, полемика начинается в конце мединского периода, когда Мухаммед встретил сопротивление христианских арабских племен, выступавших против его продвижения на север Аравии" /18. – С. 323/. Складывается впечатление, что в трудах современных мусульманских ученых бытует четко определенный, неизменный, узкий образ христианства, который, по сути, передаётся из предыдущих поколений в последующие, и не подвергается значительным изменениям, ибо основан на его Кораническом образе. Об этом же говорит А. Журавский в своей книге "Христианство и ислам": "Хотя средневековый ислам дал образцы фундаментальных ересиографических сочинений (среди наиболее известных – "Макалат ал-ислабийин" Абу-л-Хасана ал-Ашари, "Китаб ал-фисал фи-л-милал" Ибн Хазма, "Китаб ал-фисал-фирак" Абу Мансура ал-Багдади, "ал-Милал ва-н-нихал" аш-Шахрастани), в которых можно видеть даже зачатки сравнительного религиоведения, однако в целом мусульманская апологетика в трактовке христианства выстраивалась на небольшом изначально заданном объеме сведений и установок... мусульманские теологи в своём подавляющем большинстве не задавались целью осмысления христианства даже из чисто апологетических соображений, вполне довольствуясь его Коранической интерпретацией..." /20. – С. 15/. Кроме того, в своей оценке христианства мусульмане опираются на так называемое "Евангелие от Варнавы". Об этом интересном сочинении говорят многие исламоведы. "Евангелие от Варнавы – поздняя подделка, по всей видимости, испанского происхождения (фрагмент рукописи, возможно, был обнаружен в 1588 г. в Гранаде, полностью рукопись найдена только в начале XVIII в.); впервые издано в 1907 г., а в 1908 г. переведено на арабский и урду. Приобрело необычную популярность в мусульманском мире..." /28. – С. 373/.

"Евангелие от Варнавы, по всей видимости, является поздним апологетическим произведением, вероятно, написанным христианином, перешедшим в ислам. Церковь отвергла это Евангелие по многим причинам: во-первых, в нем отвергается божественность Христа; во-вторых, утверждается, что Авраам собирался принести в жертву не Исаака, а Измаила; в-третьих, грядущим Мессией объявляется не Иисус, а Мухаммед (что в сущности, жестко противоречит Корану, и вообще исламской доктрине пророка). Наконец, в Евангелии от Варнавы отрицается факт распятия Христа, но утверждается, что на кресте погиб Иуда, похожий внешне на Христа" /28. – С. 365/. "Автор проявил весьма слабые познания в географии Палестины, доказав тем самым, что он никогда там не был, а некоторые цитаты он взял из поэзии Данте (1245-1321). Автор отрицает то, что Иисус был Мессией, тем самым вступая в противоречие с Кораном. И в результате эта подделка не соответствует ни Библии, ни Корану. Стилистический анализ текста показывает, что автор этого сочинения хорошо знал итальянский язык (оригинал был написан по-

итальянски), но жил, очевидно, в Испании. Как заключил Джош Мак Доуэлл, "Евангелие от Варнавы" явилось "... попыткой включить жизнеописание Христа в Кораническую и исламскую традицию" /26. – С. 243-4/. И здесь можно сделать немаловажное наблюдение – в восприятии иной религии многие представители ислама опираются не только на свое Священное Писание, не только на канонические христианские тексты, но на произведение, отвергаемое христианством как еретическое и подложное! Важно то, что это, так называемое "Евангелие", представляется исламскими писателями как подлинное для того, чтобы показать, что нынешнее "Писание христиан" – подверглось искажениям и не может представлять собой ценность как истинное Откровение. "В вопросе о писании главным пунктом нападения был не naskh, как в случае с иудаизмом, а обвинение в tahrif, искажении текста обоих Заветов" /18. – С. 325/. "С теми, которые называют себя Назарянами¹, Мы вступали в завет: но они забыли часть того, чему были научены;..."² /5:17/. "К сожалению, авторы Евангелий не свидетелями повествуемых ими событий. Они лишь представляли интересы конкретных групп людей" /5. – С. 348/. "Хотя тексты Четырех Евангелий явно содержат в первоизданном виде некоторые части донесенного Иисусом послания, призывающие к повиновению и ответственности,... но никак не донесенное им откровение" /15. – С. 226-7/. "Если эти книги, очевидным образом, полны противоречий, несогласованностей и заблуждений... то их нельзя рассматривать как богооткровенные писания" /28. – С. 367/. Рассматривая яркие персоналии в современном мусульманском богословии и "богословии религий", необходимо упомянуть работу Махмуда Айуба. Четыре мусульманских мыслителя, которым посвящено исследование Махмуда Айуба, являют собой четыре современных, можно сказать, классических примера "учителей" в мире ислама. Шейх Мухаммад Абдо и его ученик Саййид Мухаммад Рашид Рида жили во времена Османской империи, её крушения, и видели поражение мусульманского мира западными державами. Два других мыслителя – шейх Мухаммад Абу Захрах и Ахмад Шалаби, жили и работали уже после Второй Мировой войны и стали свидетелями конца колониальной эпохи. Все четыре мыслителя отвечают в своих работах на реальные и вымышленные христианские аргументы, направленные против ислама. Все они жили и работали в Египте, чем можно объяснить прекрасную осведомленность всех четырех в христианском вероучении. Все, кроме Ахмада Шалаби, являются, по словам, Махмуда Айуба, "признанными религиозными учителями не только в Египте, но и во всём мусульманском мире" /28. – С. 346/. Обсуждая вопрос о том, каков "подлинный источник христианства", Шалаби доказывает, что христианство – это смесь наставлений Павла и языческих идей и ритуалов" /28. – С. 363/. Причинами искажения Евангелий он и Абу Захрах называют следующие:

1. "преследования, которым подвергались христиане в период формирования их религии";
2. влияние неоплатонической философии, которая "доминировала в ранний период христианской истории";

3. "синкретический характер римской религии. Бедность и социальная нестабильность, переживаемые в то время римским обществом, приводили к тому, что многие люди искали утешение и надежду в религии". И чтобы быть устойчивой в таком обществе, новой религии необходимо было включать различные элементы римского язычества, иудаизма и неоплатонизма, присутствие которых в христианстве авторы активно раскрывают впоследствии /28. – С. 362/. Это действительно интересный, научный, аналитический подход к критике христианства, ведь большинство произведений, доступных массам верующих, к сожалению, не имеют даже тени научности и являются не более чем пересказом устоявшихся стереотипических образцов. "Истинное учение Иисуса следует искать в Коране" /28. – С. 359/. "Мусульмане убеждены, что Иисус значительно ближе к учениям Иисуса (мир ему), чем Христианство к официальной Церкви, которая, как им кажется, исказила донесенное Святым Пророком Иисусом Послание, возвысив его до положения Бога" /15. – С. 230/. Примером подобной литературы можно назвать книгу Сюзанн Ханиф "Что каждый должен знать об исламе", где она, кроме прочего, называет тринадцать критериев, по которым можно определить истинность Писания. Это – достаточно важная информация для лучшего понимания нами мусульманского взгляда на Священный Коран – и, соответственно, на Библию (через призму Корана). Итак, в книге называется тринадцать критериев "истинного Писания". Имеется в виду, что

- человек, утверждающий, что получил откровение, должен быть человеком безупречной морали и нравственности;
- текст должен быть записан точно в том виде, в каком был получен из Божественного Источника, и оставаться неизменным и доступным;
- послание должно быть строго последовательным, без противоречий;
- концепции и учения в Писании должны основываться на логике;
- ничто в Писании не должно противоречить "объективно наблюдаемым фактам естественного мира";
- Писание должно обращаться преимущественно к разуму;
- Писание должно излагать духовно-нравственное учение "самого высокого порядка";
- Писание не должно приписывать Богу качеств твари, а твари – качеств Бога;
- Писание должно отрицать возможность поклонения чему-либо или кому-либо, кроме Бога;

- Писание должно утверждать равенство и братство между людьми;
- Писание не должно приписывать также грехи или недостатки пророкам Бога;
- Язык Писания должен быть "прекрасным и возвышенным, с высоким качеством литературного стиля";
- "Еще одним свидетельством могут быть объективно проверяемым данные, которые не могли быть прежде никому известны, что говорит о том, что их открыл сам Бог" /15. – С. 43-44/.

Итак здесь можно увидеть три существенных основания истинности для Писания: его неизменность, его высота и красота, но, в большей степени, пожалуй, логичность, последовательность и здравость, свидетельствующие, кстати, и о его неизменности, и о его высоте. Далее в книге говорится и о несоответствии христианского Евангелия критериям "истинного Писания" и о несоответствии истине "гипотезы о том, что Евангелия были написаны под влиянием Божественного вдохновения" /15. – С. 227/. И на этом важно вновь подчеркнуть, что смыслополагающее различие : "ислам – это религия Книги, Корана, тогда как в христианстве книга – это лишь опора, в которой описано участие Бога в человеческой истории, кульминацией чего является земная жизнь Иисуса Христа. Это различие в точках зрения показывает, что ничто не препятствует историческому, социальному, лингвистическому или иному анализу Евангелия, тогда как Коран и даже комментарии Сунны неприкосновенны" /27. – С. 512/. "Если христиане верят в то, что Слово Божье стало плотью, то мусульмане утверждены, что Слово Божье превратилось в книгу. Поэтому при проведении христиано-исламских параллелей, мы должны сравнивать не Библию и Коран, а Христа и Коран. При таком сопоставлении историко-критическое исследование предстанет в ином свете. Станет понятно, что для мусульман так же невозможно критическое отношение к тексту Корана, как для христиан – сомнение в божественной сущности Христа. Таким образом, параллель "Христос-Коран" позволяет нам выявить религиозную специфику понимания Божественного откровения" /16. – С. 49/.

И действительно, фундаментальное различие между исламом и христианством касается личности Господа Иисуса Христа. "В том или ином качестве и в различные эпизодах своей жизни Иса представляет в десяти сурах Корана" /17. – С. 485/. "По их стопам следовать велели Мы Иисусу, сыну Марии, подтвердившему то, что пред ним было в Законе, и Мы дали ему Евангелие; в нем правота и свет, подтвердившие то, что прежде него было в Законе; руководство и учение для богобоязливых" /5:50/. По утверждению Ж.Ж. Варденбурга "главные обвинения Корана против христиан заключается в том, что они придают Богу Сына и почитают, кроме Бога, священников, а также других людей, а потому совершают shirk и должны считаться неверными (kuffar)" /18. – С. 324/. "Вот, Бог скажет: Иисус, сын Марии! говорил ли ты людям: кроме Бога почитайте еще меня и

мою мать двумя Богами? Он скажет: Хвала Тебе! Как мне говорить такое, чего я не должен говорить?.. Я говорил им только то, что Ты повелел мне: «поклоняйтесь Богу, Господу моему и Господу вашему» /5:116-117/. "В исламе Иса Масих – Иисус, мир ему и милость Божья, является одним из величайших пророков, к которому мусульмане относятся с глубочайшими любовью и уважением. Коран подтверждает, что Иисус был рожден девственной матерью (Марьям) под действием той же Власти, которая произвела на свет Адама без отца, и что по соизволению Бога он, пророчествуя среди своего народа, совершил множество невообразимых чудес. Ему была дана способность складно говорить в колыбели, излечивать мертвых и проникать в сердца людей с помощью слов, ниспосланных ему Богом. Когда же ему грозила опасность быть убитым своим собственным народом, Бог забрал его к себе, и он не испытывал смерти" /15. – С. 218/. "Отрицание распятия Иисуса Христа и его Божественного Сыновства четко зафиксировано в Коране и является основным догматическим соображением ислама а отрицании христианской веры. Поэтому и на земле ислама обращение в христианство араба-мусульманина считается невозможным" /31. – С. 107/. "В Коране категорически отвергается факт распятия Иисуса Христа, Сына Божия. Признается телесное вознесение Иисуса, хотя для мусульман оно означает лишь то, что Иисус – это один из приближенных к Аллаху людей. Несмотря на то, что Иисус считается у мусульман пророком, они не считают Его Сыном Божьим и не верят в Его распятие. Поэтому в исламе отсутствуют такие понятия спасения, как прощенные на кресте грехи, воскресение Иисуса из мертвых, изливание Духа Святого, новое рождение верующих, освящение и искупление" /31. – С. 110/. "Следует отметить, что искупление – замена жертвы – было совершено Богом, а не человеком" /26. – С. 229/. "...Каждой душе принадлежит только то, что она себе усваивает: несущая свое бремя не обременится бременем другой..." /6:164; 53:39; 2:117(!)/. Действительно, мусульмане не признают доктрину Искупления потому, что, во-первых, ислам не допускает доктрину первородного греха. "А как насчет веры в то, что человек будет спасен от вечного проклятия, приняв Иисуса как своего Спасителя? Ислам категорически отвергает мнение о первородном грехе и утверждает, что каждый человек приходит в мир невинным и безгрешным" /15. – С. 228/. "Учение о первородном грехе не согласуется с Кораном и логически противоречит божественной справедливости. Вера в то, что грехи индивидуально ответственных людей может искупить кто-то другой, противоречит кораническим представлениям о законе, ... доводам разума... Под влиянием этих вероучительных ошибок христиане придерживаются представлений, явно противоречащих здравому смыслу, а отсутствие здравого основания "заводит их в паутину... заблуждений" /18. – С. 329-330/ Во-вторых, это неприемлемо для исламского сознания абсолютной трансцендентности Бога, Который, естественно, никоим образом не мог умалить себя до такой степени, чтобы воплотиться и пострадать за грехи. Очевидно то, что христианское представление о Боге, смилившем Себя до принятия несовершенной человеческой плоти, умалившем Себя до того, чтобы добровольно принять поношения, унижение, чудовищные муки, Распятие и Крестную Смерть ради Спасения человека и исцеления его от

греха, по любви – исламскому менталитету несвойственно. Говорящий так совершает shirk – самый страшный для мусульманина грех. В 19-ой суре ясно прослеживается особенность исламского восприятия Бога. "Они говорят: Милостивый имеет детей. Вы дошли уже до страшной крайности! От этого готовы уже небеса расторгнуться, земля разверстись, горы упасть с грохотом, - от того, что Милостивому усвоят детей. Милостивому не свойственно иметь детей. Каждый, кто только есть на небесах и на земле, приходит к Милостивому не иначе, как рабом"1 /19:91-94/. В данной суре ярко отражена основополагающая несовместимость христианского и исламского понимания доктрин Божественной Любви, Любви Бога к человеку. Любовь Бога к человеку в исламе это любовь Творца к своему созданию и верному рабу, тогда как в христианстве – это любовь к Искупленному чаду, которому даруется возможность обожения: которое Отец, Царь и Творец возносит в Свою вечную славу и блаженство. "Из-за этих отличий кораническая история Исы, несмотря на сюжетное сходство её с эпизодами из канонических и апокрифических жизнеописаний Иисуса, весьма удалена от христианских догматов" /17. – С. 489-90/. В Суре 4 (стихи 169 и далее) выражается полное непонимание Мухаммедом христианского учения о Пресвятой Троице: "Читающие Писание! Не допускайте излишества в вашу веру... Мессия Иисус, сын Марии, есть только посланник Бога, есть слово Его, низведенное Им в Марию, есть дух Его. Веруйте в Бога и в посланников Его и не говорите: Троица! Бог только есть единый... Воздайте хвалу Ему: не может быть, чтобы у Него были дети...". Ниже перечисленные суры свидетельствуют о судьбе и участии тех, кто верует иначе: 5:17; 5:72-73, 75; 43:65-70; 3:79(!) etc. "За то, что сказали: «мы убили Мессию, Иисуса, сына Марии, посланника Божия (тогда как они не убили его, и не распинали его, а только призрак являлся им; и те, которые спорят о нем, – остаются в сомнении; у них нет об этом знания, а водятся только мнением; а что они не убили его - это верно известно; напротив того, Бог вознес его к Себе: Бог силен, мудр: из читающих Писание не будет ни одного, который прежде своей смерти не уверовал бы в него; в день же воскресения он будет свидетелем против него)". /4:156-157/. Можно добавить, что многие подобные стихи и высказывания Корана дают нам возможность заметить христологические споры и кризис христианского богословия того времени. "В некоторых частях тогдашнего христианского мира были распространены гностические представления об умершем на кресте лишь видимом образе Христа (докетизм), а также несторианского определение Спасителя как отдельного от Бога человека. Новейшие находки гностических и несторианских сочинений говорят о том, что "исламская христология" опиралась, главным образом на них". /31. – С. 109/.

Более того, исследуя христианское Священное Писание, мусульманские богословы идут дальше, стараясь обнаружить в нем как можно больше свидетельств о приходе Мухаммеда, либо по другому пути – доказывая, что их отсутствие в Библейском тексте говорит об искажении его "обладателями Писания". "Рассматривая библейский текст как подделку, мусульманские полемисты использовали в качестве аргумента пророчества о Мухаммеде. Коран утверждал, что миссия Мухаммеда и появление ислама

были возведены в более ранних Писаниях, и поскольку найти такие сообщения (афлам) было нелегко, иудеев и христиан обвиняли в их сокрытии... Многие мусульманские полемисты стали просматривать текст Библии в поисках таких свидетельств и интерпретировать его, часто весьма изобретательным образом, в соответствии с тем, что можно назвать "Мухаммадовой" экзегезой Библии" /18. – С. 321-22/. "Некогда Иисус, сын Марии сказал: сыны Исраиля! Я божий посланник к вам для подтверждения Закона, который в руках у вас, и для благовестия о посланнике, который придет после меня, которому имя Ахмед..." /61:6/. Дон Мак-Кэрри по этому поводу говорит: "Ахмад" – это вариант формы "Мухаммед", оба слова происходят от трех букв арабского корня "h-m-d", имеющего значение "восхваляемый"; добавляя, что как минимум два места из Библии (Втор. 18:15, 18, 19; Деян. 3:22; 7:37) используются мусульманами как относящиеся к Мухаммеду. Таким образом, естественно рождается соображение, что "... исчезновение Евангелия Иисуса было результатом преднамеренного акта, потому что оно было тесным образом связано с Кораном..." /18. – С. 334/. "Последним упреком мусульман, следующих предписаниям Корана, библейскому христианству является отрицание Духа Святого, как Божественного Лица... Ислам претендует на то, что Аллах дал своему пророку Мухаммеду все слова Корана, что Он "ниспослал" ему весь Коран целиком, Священное Писание (сура 2:3, 83 и далее 171)" /31. – С. 110/. "Так Мы даем откровения и тебе, вразумляя дух твой по нашему распоряжению. Прежде того ты не знал, что такое Писание, ни того, что такое вера; но мы поставили его светильником, и руководим им того из рабов наших, кого хотим. И, действительно, ты ведешь на прямой путь, путь Бога, во власти котораго и то, что на небесах, и то, что на земле..." /42:52-53/.

Однако сейчас в исламе можно наблюдать "новую тенденцию демифологизации коранического Иисуса и умаления сверхъестественных сторон Его жизни..." /28. – С. 360/, что хорошо заметно в трудах Абу Захраха и Шалаби "...сам по себе он не был чудом, но Бог совершал чудеса через него и с особой целью". /28. – С. 360/. При этом Шалаби, более настроенный на антогонизм, отрицает то, что говорится о чудесах Христа, считая, что их было слишком много, что они были нелогичны и т.д. Здесь чувствуются противоречия с традицией, ведь в исламе чудеса – доказательства пророческого и посланнического избрания, данные лишь избранным как средство призывать к вере. В христианстве же чудеса воспринимаются не как средство, а как следствие веры человеческой, причем в качестве подобного "средства" они едва ли не осуждаются (см. Мф. 16,1-4; Мк. 8,11-13). И действительно "современные мусульманские мыслители уделяют особое внимание разуму как последнему арбитру в вопросе об истине – опять-таки в соответствии с утверждением в Коране необходимости понимания и разума... Откровение должно быть согласовано с разумом" /28. – С. 354/. (См. 2:164-165; 5:55 и 8:22). "Исламская религия соответствует разуму и опирается на него для понимания религиозного законодательства и жизни на земле... В исламе нет никакого противоречия между научными фактами и основными религиозными наставлениями и между ними нет никакой борьбы, также обстоит дело с

другими религиями. Итак, с точки зрения Ислама – религия есть наука, и наука есть религия" /10. – С. 5/. Подобно Мухаммаду Абдо и Рашиду Рида, Абу Захрах утверждает: "В то, что не может быть постигнуто человеческим разумом нельзя верить и сердцем" /28. – С. 354/. Развивая мысль четырех богословов можно привести мнение Абдо: он полагает, что в своей сущности христианство основывается на внерациональных элементах веры и доктрины, которые в конечном счете обусловили развитие и характер западной религии и культуры. Он выстраивает свои доказательства вокруг шести принципов, которые считает фундаментальными основаниями христианства" /28. – С. 347/. Это:

а) принцип чудес, власть совершать которые Бог дал каждому верующему (см. Мф. 17:20, Лк. 17:6). Но, по мнению Абдо, если бы каждый "имел бы власть нарушать естественный порядок вещей, тогда законы природы перестали бы гарантировать поддержание этого порядка". Аргументация Абдо, очевидно, основана на в высшей степени буквальном прочтении этого текста, упускающем его истинное значение. Эта проблема возникает, вероятно, из понимания мусульманами вопроса о чудесах.

б) принцип абсолютной власти духовенства (опять буквальное прочтение – см. Мф. 16:19, 18:18).

в) принцип отказа от мира. Абдо говорит: "если этот принцип применить в полной мере, человеческое общество будет полностью разрушено". Абдо ссылается на Мф. 6:34 и Мф. 19:12.

г) принцип "веры в иррациональное", логично вытекающий из предыдущих трех принципов.

д) принцип представления о том, что священные Писания содержат в себе все знание необходимое для спасения и счастья. (Однако этот эксклюзивистский принцип вообще характерен для абраамических религий). Этот и предыдущий принципы Абдо обосновывает словами св. Ансельма и Тертуллиана, показывая тем самым хорошие для мусульманина знания христианских источников и вновь буквальное их прочтение вне остального контекста.

е) принцип разделения. Абдо ссылается на Мф. 10:34. "Он утверждает, что христианство призывает к разделению и разногласиям" /28. – С. 347-349/. Итак, здесь мы снова находим попытки основаться на буквально понимаемых изречениях, которые в христианстве понимаются и употребляются иначе. И в этом – действительная проблема: христианское учение духа, основывающееся на Таинствах и на бесконечной устремленности к высшему Идеалу Богочеловека понимается в исламе согласно исламской ментальности – как юридический закон, как норма общественной жизни. "Для мусульманина закон – важная, если не основная составляющая религии, которая без него непостижима. Закон во всех своих тонкостях является божественным, а не человеческим, явленным в виде откровения, а не введенным в действие, а потому не

может быть отменен или объявлен утратившим силу, исправлен или дополнен. Закон, полученный одинаковым образом, и поддерживаемый одинаковыми санкциями регулирует то, что мы называем сферой публичного и частного права, гражданские и уголовные дела, ритуал и даже питание" /25. – С. 74/.

Итак, подводя итог, можно сказать словами Ж.Ж. Варденбурга:

- "1) для мусульманина Бог един и единствен, Он не может быть разделен внутри Самого Себя;
- 2) представление о падении сотворенного мира... разрушает совершенно очевидную и подтвержденную разумом гармонию в творении;
- 3) представление о смешении человеческого и божественного в одной личности... не только невозможно и противоречит здравому смыслу с точки зрения калама, но и является богохульством;
- 4) историческая достоверность сообщений о событиях, описанных в христианских Писаниях, отрицается, так как они противоречат утверждениям Корана". /18. – С. 331-332/.

К сказанному можно добавить и несоответствие институционных структур христианства и ислама. "Умма, сообщество правоверных мусульман, также отличается по своей концепции от церкви в том отношении, что первая представляет собой поддающиеся счету количество мусульман, тогда как вторая – мистическое единство, причем нельзя с уверенностью знать, кто к нему принадлежит. Аналогичные замечания могут быть даны в отношении духовенства, которое христиане обычно считают наделенным сверхъестественными возможностями, полученными от Иисуса Христа и апостолов, тогда как в исламе не существует ничего подобного этому" /27. – С. 512 - 513/. Ведь здесь – вновь shirk – священство и почитание икон. (Здесь ислам схож и одобряет те течения протестантизма, которые отвергают институт церкви, иконопочетание, священство, Таинства, и зачастую – сами догматы о Богосыновстве Господа Иисуса Христа, о Пресвятой Троице и т.д. – и этот вопрос следует рассмотреть особо).

У Ж.Ж. Варденбурга находим также кроме основных обвинений ислама в адрес христианства и "аргументы, основанные на общих морально-этических ценностях:

- 1) главный упрек заключается в том, что христиане не живут согласно правилам своей религии, нормой которой является Нагорная Проповедь.
- 2) миссионеры, их деятельность и литература связываются с западным империализмом, агентами которого они считаются и с которым необходимо вести решительную борьбу.
- 3) для нападок на христианство и защиту ислама используются научная

историческая критика Библии и современная философская мысль, критически относящаяся к христианству.

4) всегда защищаются основные принципы ислама...

5) подлежат защите и связанные с исламом особенности социальной жизни...

6) социальные явления на Западе, указывающие на упадок нравственности и вырождение, рассматриваются как последствия пагубного влияния христианства.

7) ислам представляется как религия золотой середины и благоразумия, выступающая против непостижимых тайн христианства и согласующаяся с рациональным и научным мировоззрением" /18. – С. 333/.

Здесь имеет место еще одна черта ислама, вызывающая неприятие им христианства: ислам во многом рационалистически практичен и благосостояние мусульман – есть признак действия Откровения. "Бог посылал пророков к древним китайцам и индийцам, чтобы возвести их на тот уровень благосостояния, которым они пользовались" /28. – С. 354/.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что восприятие мусульманами неисламских вероисповеданий имеет следующие характерные особенности:

- мусульмане имеют свое, оригинальное понимание религии и истории религий, которое можно назвать исламским "богословием религий", согласно которому есть одна, единственная, изначальная и вечная религия – ислам, на протяжении всей истории человечества передававшаяся человечеству через пророков, первый из которых – Адам, а последний – Мухаммед, "печать пророков";

- представления о неисламских религиях, их образы и, главное, позиция их восприятия с самого возникновения ислама черпались и черпаются из Корана, т.к. Коран понимается как чистое и неповрежденное Откровение Аллаха;

- мусульмане считают: каждый человек рождается мусульманином, однако, в силу различных причин, выбирает путь ложный, неисламский, становясь тем самым "неверным", совершая ширк, и лишая себя спасения, так как ширк, не очищенный обращением, Богом не прощается;

- человеческое общество разделяется на "верных", "многобожников", отрицающих Бога, искажающих истину, подлежащих обращению, изгнанию или смерти, и "людей Книги" – промежуточного звена, также относящегося

к неверным, но при этом пользующегося привилегиями за их наибольшую приближенность к истине;

- "люди Книги" являются неверными из-за того, что исказили истинное Писание посланных к ним пророков, таким образом исказив и истинное учение чистого единобожия, а потому впали в различные грехи, разделения и неблагополучие;

- характерные противоречия состоят в том, что иудеи отвергают доктрину насх, живут в рассеянии и разделениях, а значит, в отличие от рода Измаила, несправедливо считают себя богоизбранными, но главное противоречие на сегодняшний день находится в сфере политики;

- характерные противоречия с христианами состоят в вероучительных вопросах: мусульмане отвергают учение о Пресвятой Троице, так как считают его за ширк, не приемлют доктрину воплощения и искупления (соответственно, первородного греха), так как антропоморфизм – это куфр, и считают, что современные христиане не выполняют и нравственного закона, данного им Иисусом Христом, Которого ислам не признает Богом; мусульмане указывают на несоответствие институциональных структур христианства и ислама (непризнание Церкви), на различие в понимании рациональных и иррациональных основ религии;

- результаты анкетирования подтверждают вышеперечисленные положения, однако, следующие критерии обеспечивают определенную специфику ответов: возраст, пол, образование, семейный статус (брак с единоверцем или нет), направление Ислама, воспитывался ли участник опроса в исламе с детства или принял ислам в сознательном возрасте, а также, принадлежит ли участник опроса к местным или приезжим верующим;

- Наиболее яркие различия прослеживаются между ответами местных мусульман татарской общины и приезжих из стран арабского Востока. Данные различия вызваны следующими факторами: психологические особенности религиозного большинства или меньшинства в иноверной среде, историческая среда проживания, длительность проживания в иноязычной и иноверной среде, возможность получения хотя бы элементарного религиозного образования (наличие религиозных образовательных центров и известных верующим вместительных молитвенных центров), этические соображения и фактор личного опыта, интенсивность влияния среды и условия, созданные в ней для инорелигиозного меньшинства, геополитическая обстановка в стране проживания и на Родине, языковые различия (владение арабским).

- В то же время среди как приезжих, так и местных мусульман налицо проявления своего рода исламского интернационализма: религиозная идентичность превалирует над национальной, что опровергает выводы предыдущих исследований ислама на Беларуси, утверждавших о превалировании культурной и национальной

идентичности над религиозной.

- Попав в инородную религиозно-культурную среду, большинство приезжих идентифицирует религию своего нового окружения, т.е. христианство, с местным населением, в отличие от исторически проживающих на территории Беларуси татар.

- Ответы местных мусульман чаще, чем приезжих, носят характер неуверенности или затруднения, т.к. их религиозные познания в области собственной веры не так велики, как у приезжих, но то, во что они верят, носит более прочный характер, чем у приезжих.

- Среди местных верующих мусульман можно наблюдать определенную трансформацию отношения к нормам шариата и восприятия неисламских вероисповеданий, феминистическую трансформацию восприятия норм шариата белорусскими мусульманками.

- Необходимо отметить влияние на религиозную жизнь советского периода и, соответственно, постсоветского менталитета. Здесь речь идет о проявлениях оккультной среды в жизни верующих и об изменившемся восприятии религии.

Можно еще раз подчеркнуть, что развитие межрелигиозного диалога в Беларуси возможно и необходимо, и, более того, изучение друг друга может быть плодотворным и полезным. Кроме того, необходимо задуматься над основаниями подобного диалога. "В прошлом, когда люди сравнивали религии, они преимущественно делали акцент на различиях между ними, что способствовало еще большему отдалению их друг от друга /37. – С.80/. В любом случае, с уверенностью можно сказать, что "существуют точки соприкосновения между христианами и мусульманами на общекультурном уровне" /23. – С.304/. Оканчивая работу, хотелось бы привести несколько высказываний обеих сторон. С одной стороны, мы имеем пример позиции митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира, который четко обозначает свое богословское отношение к вопросам сотрудничества и диалога: "Здесь на земле, во временном бытии сотрудничество между Православием и Исламом оказывается не просто возможным, насущно необходимым. И, как это ни парадоксально звучит, именно яркая несовместимость наших вероучений, практическая нереальность взаимных миссий является одной из главных предпосылок такого сотрудничества" /24. – С. 3/. С другой стороны, звучат слова принца Хасана бин Талала: "Арабы-христиане отнюдь не чужаки в арабо-мусульманском мире, в обществе, с чьей историей и культурой они неразрывно связаны на протяжении четырнадцати столетий, в чью материальную и духовную цивилизацию они внесли столь ощутимый вклад и продолжают вносить как по своей инициативе, так и по просьбе самих мусульман" /30. – С.89/. И, наконец, показательны слова муфтия мусульман Беларуси: "И как не допустить вражды и раскола среди белорусских мусульман?.. Ответ: вырастут духовно крепкие люди... и пойдут по дороге совести – к Храму. И неважно, к какому: пусть это будет

и мечеть, и синагога. И костел, и православная церковь. Лишь бы шли..." /6. – С.9/. В завершение хотелось бы напомнить слова Бернарда Льюиса: "Сосуществование есть равенство различных групп, составляющих политическое общество, как неотъемлемое природное право их всех: даровать его – не заслуга, но отказывать в нем...– преступление" /25. – С. 282/.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Библия. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
2. Коран. – Перевод Саблуковой Г.С. State of Kuwait. Asia Muslims Committee. International Islamic Charitable Organization AL-ZAHKAL for ARAB MASS MEDIA, 1993.
Исследования мусульманских авторов
3. Абдурахман Бин Хаммад Аль-Умар. Ислам – религия истины. – М., 2003.
4. Ахмад Фарид Мустафа. Ислам – всеобъемлющий образ жизни. – М., 1998. – 44 с.
5. Бюкай Морис. Библия, Коран и наука. Священные Писания в свете современного знания. – К., 2001. – 350 с.
6. Жданович В. Муфтий – впереди стоящий. // Беларусь сегодня. – Мн. № 68, 13 апреля 2004.
7. Жизнь мусульман в Америке. Офис международных информационных программ Государственного департамента США, 2004.
8. Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. – М.: Издательство «Леном», 1999. – 304 с.
9. Аль-Маудуди. Мы и западная цивилизация. – М., 1993.
10. Мохаммад Сулейман Аль-Ашкар. Познакомиться с исламом. – М., 2002.
11. Мустафа Махмуд. Спор с безбожником. Без выходных данных.
12. Хайдар Баш. Ислам: секрет становления. – Ярославль, 2000.

13. Халиль Джигран. Пророк. – Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. – 111 с.
14. Халтурина Д. Сенсационные данные социологического опроса. // Все об исламе, № 1, 2002.
15. Ханиф Сюзанн. Что должен знать каждый об исламе и мусульманах. – К., 1998. – 240 с.
Исследования немусульманских авторов
16. Антес Петер. Ислам в современном мире. Ислам в Европе. / Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
17. Библия и Коран. Пророки, праведники, мудрецы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
18. Варденбург Ж.Ж. Мировые религии с точки зрения ислама. / Христиане и мусульмане: проблемы диалога. Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000.
19. Гаврилова Ю.Б., Емельянов В.В. Ислам: Карманный словарь. – С-Пб.: Амфора, 2002. – 141 с.
20. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М., 1991.
21. Журавский А.В. Христианство и ислам. – М., 1990.
22. Ислам. Краткий справочник. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 139 с.
23. Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001.
24. Ислам и православие. // Все об исламе. – М. № 2, 2002.
25. Луис Б. Ислам и Запад. Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. – 317 с.
26. Мак-Кэрри Дон. Исцеление сломанной ветви Авраама. Благовествование мусульманам. – М., 1994.
27. Малерб Мишель. Религии человечества. – М.-С-Пб.: Рудомино, Университетская книга, 1997.
28. Махмуд Айуб. Отношение мусульман к христианству: несколько

современных примеров. / Христиане и мусульмане: проблемы диалога. Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000.

29. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. – М.: Школьная пресса, 2000. – 416 с.

30. Хасан бин Талал. Христианство в арабском мире. – Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. – 101 с.

31. Шрупп Эрнст. Израиль и царство ислама. – Германия: Издательство Логос, 1996.

Иностранная литература

32. Das Oxford-Lexikon der Weltreligionen. Bowker John (Hrsg.) – Darmstadt, 1999.

33. Islam and Christianity. Mutual Perceptions Since the Mid-20th Century. Ed. by Jacques Waardenburg. – Peeters, 1998. – 320 p.

34. Islam's Many Faces. // The Economist. – London, May 31, 1997. Vol. 343, Iss. 8019.

35. Kenz A., Leimgruber St. (Hg.). Lernprozess Christen Muslime: Gesellschaftliche Kontexte, theologische Grundlagen, Begegnungsfelder. – Münster: Lit, 2002.

36. Khashan Hilal, Kreidie Lina. The Social and Economic Correlates of Islamic Religiosity. // World Affairs. – Washington, Fall 2001. Vol. 164, Iss. 2.

37. Mojzes P., Swidler L. Common Elements of Judaism, Christianity, and Islam. // Journal of Ecumenical Studies, Winter/Spring 2002. Vol. 39, Iss. 1/2.

38. Qamar-Ul Huda. Knowledge of Allah and the Islamic View of Other Religions. // Theological Studies. – Washington, June 2003. Vol. 64, Iss. 2.

39. Shorter Encyclopaedia of Islam. Ed. on behalf of the Royal Netherlands Academy by H.A.R. Gibb and J.H. Kramers. – Leiden, New York, Köln: E.J. Brill, 1995. – 671 p.

40. The Unavoidable Question. // National Review. – New York, December 17, 2001. Vol. 53, Iss. 24.

41. Woodward, Kenneth L. A Peaceful Faith, a Fanatic Few. // Newsweek. – New York, September 24, 2001.

42. American Muslim Poll. November/December 2001. Done by Zogby International. // www.zogby.com

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВЫДЕРЖКИ ИЗ "ВСЕОБЩЕЙ ИСЛАМСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА"

X. Права меньшинств

1. Принцип Корана "В религии нет принуждения" должен определять религиозные права немусульманских меньшинств.
2. В мусульманской стране религиозные меньшинства для ведения своих гражданских и личных дел должны иметь возможность выбора между исламским Законом и их собственными законами.

XII. Право на свободу совести, мысли и слова

3. Всякий мусульманин имеет право и обязан защищаться и бороться против притеснений в рамках установленных Законом, даже если это приводит к оспариванию решений высших государственных властей.
5. Никто не должен ни презирать, ни осмеивать религиозные убеждения

других лиц, ни способствовать общественной враждебности по отношению к ним. Уважение религиозных чувств других обязательно для всех мусульман.

XIII. Право на свободу вероисповедания

Всякий человек имеет право на свободу совести и вероисповедания в соответствии со своими религиозными убеждениями.

XIV. Право на свободу собраний

1. Всякий человек имеет право индивидуальным образом или коллективно участвовать в религиозной, общественной, культурной и политической жизни своей общины и создавать институты и органы, предназначенные для определения того, что хорошо (мааруф), и противодействовать тому, что плохо (мункяр) /1. – С. 197/.

1 Здесь важно терминологически не смешивать с Пресвятой Троицей христиан.

1 Здесь и далее цитаты из Корана сверены у всех авторов по переводу Саблуковой Г.С.: Коран. – Перевод Саблуковой Г.С. State of Kuwait. Asia Muslims Committee. International Islamic Charitable Organization AL-ZAHKAL for ARAB MASS MEDIA, 1993.

[1] Сабии (араб. al-sabi'un) – наряду с иудеями и христианами упоминаются в Коране как люди Книги, которые будут отделены от язычников и вознаграждены Богом (см. Коран 2:62; 5:69; 22:17); наиболее вероятно, что Коран называет Месопотамских мандеев, известных также как христиане св. Иоанна. В VIII-XI веках мусульманские авторы под сабиями чаще подразумевали близкую к гностицизму харранскую общину /18. – С. 341/.

1 То же, что dhimma.

2 «Форкан» («Фуркан») означает Различение (между истинным и ложным), имеется в виду Коран. «Другое значение Ф. - спасение» /21. – С.112/.

1 В других переводах дается иной вариант - «аят», напр. у Крачковского.

1 Назаряне – так в Коране называются христиане.

2 Т.е. Писания.

1 Более показателен перевод Сюзанн Ханиф, который она употребляет в своей книге /15. – С.221/: «И говорят они: "Взял себе Милосердный Сына". Вы совершили вещь гнусную. Небеса готовы распасться от этого, и земля разверзнуться, и горы пасть прахом оттого, что они приписали Милосердному сына. Не подобает Милосердному брать Себе сына. Всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному только как раб».